

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО НЕЧИПОРУКА И ЙОНКАЛО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 42310/04)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 апреля 2011

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.

По делу Нечипорука и Йонкало против Украины,

Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

Elisabet Fura, *Председатель,*

Karel Jungwiert,

Boštjan M. Zupančič,

Mark Villiger,

Ann Power,

Ganna Yudkivska,

Angelika Nußberger, *судьи,*

и Claudia Westerdiek, *Секретарь секции,*

Рассмотрев дело в закрытом заседании 15 марта 2011 года,

Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 42310/04) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданами Украины, г-ном Иваном Николаевичем Нечипоруком и г-жой Натальей Николаевной Йонкало (далее – «заявители») 13 ноября 2004 года.

2. Заявителей, которым была предоставлена оплата правовой помощи, представлял г-н А. Бущенко, адвокат, практикующий в Харькове. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный г-н Ю. Зайцев.

3. Первый заявитель утверждал, в частности, что он стал жертвой нескольких нарушений статей 3, 5 §§ 1, 2, 3 и 5, а также статьи 6 §§ 1 и 3(с) Конвенции.

4. 27 августа 2009 года Суд постановил уведомить Правительство о данном заявлении. Суд также постановил рассмотреть приемлемость заявления одновременно с его рассмотрением по существу (статья 29).

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявители родились в 1982 и 1981 годах соответственно. Первый заявитель отбывает тюремное заключение в тюрьме № 41 в г. Коломыя. Второй заявитель проживает в Хмельницком.

А. Предыстория

6. 13 марта 2004 года два человека в масках, один из которых был вооружен пистолетом, напали на некую г-жу И. и ее сына возле дверей их квартиры в Хмельницком. В ходе борьбы вооруженный злоумышленник выстрелил в г-жу И., после чего оба нападавших скрылись, причем их лица рассмотреть не удалось. Через несколько минут г-жа И. умерла.

В. Факты, касающиеся первого заявителя

1. Содержание первого заявителя под стражей 20-23 мая 2004 года и административное разбирательство против него

7. 20 мая 2004 года, около 13 часов, сотрудники милиции задержали первого заявителя на улице и доставили его в Юго-Западное отделение милиции. Согласно письменному объяснению одного из производивших задержание сотрудников на имя начальника Юго-Западного отделения милиции, задержание было вызвано подозрительным поведением заявителя, который «быстро шел, оглядываясь вокруг», вошел в дом (в соответствии с материалами дела, это был дом, в котором заявитель жил), затем вышел и пытался снова зайти туда позднее. По утверждению заявителя, два милиционера попросили его пройти с ними в отделение милиции «для уточнения некоторых вопросов», и он согласился.

8. В отделении милиции заявителя обыскали. В ходе обыска в его кармане был найден пакет, содержащий «вещество растительного происхождения зеленого цвета». По словам заявителя, этот пакет ему подбросили сотрудники милиции.

9. В тот же день, в 21:45, в помещении отделения милиции, заявитель был задержан в «административном» порядке по подозрению в незаконном хранении наркотиков. Как отмечается в соответствующем протоколе, заявитель был задержан по подозрению в «нарушении статьи 44 Кодекса об административных правонарушениях».

10. Родственникам заявителя, которые узнали о его задержании от очевидцев, не сообщили о его местонахождении, и они безуспешно расспрашивали о нем в различных отделениях милиции и изоляторах временного содержания, в том числе в Юго-Западном отделении милиции.

11. 22 мая 2004 года была проведена экспертиза, которая установила, что вещество, обнаруженное в кармане заявителя, не является наркотиком.

12. 23 мая 2004 года заявитель был освобожден в рамках административного производства на том основании, что «обстоятельства данного правонарушения установлены, пребывание на свободе не будет препятствовать установлению всех обстоятельств дела». Однако заявитель сразу же был вновь задержан в рамках уголовного дела (см. ниже).

13. 29 мая 2004 года милиция прекратила административное производство за отсутствием состава преступления.

2. Заявленное жестокое обращение с первым заявителем и соответствующее расследование

14. Заявитель описывает события 21 мая 2004 года следующим образом. В ночь с 20 на 21 мая 2004 года его перевели из камеры в помещение Юго-Западного отделения милиции, где сотрудники милиции Р.О. и М.Д. пытались заставить его, под угрозой применения насилия, признаться, что он убил г-жу И. Поскольку заявитель отказался признаться в убийстве, около 4 часов утра эти сотрудники принесли ручной электрический генератор. Заявителя заковали в наручники и подвесили на металлической перекладине между двумя столами, прикрепив оголенные провода к его лодыжкам и копчику. Один из милиционеров, Р.О., бил заявителя электрическим током, в то время как другой милиционер, М.Д., закрывал ему рот диванной подушкой. На около 6:30 утра заявитель потерял сознание. После того как он пришел в себя, несколько сотрудников милиции по очереди избивали его до 8 часов вечера, предварительно надев на него бронежилет и закрыв его голову подушкой. В то же время, около 16 часов, заявитель услышал, как в соседнем кабинете допрашивают его жену (вторую заявительницу). Один из милиционеров вошел в кабинет, где находился заявитель, и спросил своего коллегу: «Как ты думаешь, выдержит она то, что он выдержал?» Тогда заявитель написал свое первое признание, якобы под диктовку сотрудника милиции. Он признался, что совершил убийство г-жи И. вместе с неким г-ном М. В 22:05 заявителя поместили в изолятор временного содержания г. Хмельницкий (далее – «Хмельницкий ИВС»).

15. Правительство не представило свою версию событий 21 мая 2004 года, а только упомянуло о помещении первого заявителя в Хмельницкий ИВС.

16. В неопределенное время 21 мая 2004 года заявитель был доставлен в кабинет следователя Хмельницкой городской прокуратуры (далее - «ХГП»), которому он пожаловался на пытки электрическим током.

17. 24 мая 2004 года заявитель повторил свои жалобы следователю во время допроса. В тот же день его осмотрел врач Хмельницкого областного бюро судебно-медицинской экспертизы, который

обнаружил на его лодыжках раны размером 2,5 см x 1,5 см и 2,3 см x 0,9 см. Врач сделал вывод, что эти травмы были незначительными и могли быть нанесены заявителю тупыми твердыми предметами около трех дней назад. Учитывая характер повреждений, которые врач назвал «неспецифическими», он выразил сомнения в достоверности утверждений заявителя о том, что к нему применялся электрический ток.

18. 26 мая 2004 года адвокат и родственники заявителя подали жалобу в ХГП, что ранним утром 21 мая 2004 года заявитель подвергся пыткам со стороны двух сотрудников милиции, Р.О. и М.Д. Они отметили, что врач, который осмотрел заявителя 23 мая 2003 года, проигнорировал многочисленные точечные повреждения на его лодыжках, и что медицинское заключение было неточным. Податели жалобы требовали начать расследование этого дела и провести повторное медицинское обследование первого заявителя.

19. В тот же день первый заявитель, в ходе рассмотрения запроса прокуратуры о его заключении под стражу, заявил о жестоком обращении в Хмельницком городском суде (см. пункт 41 ниже). Суд проигнорировал его жалобу.

20. Позже в тот же день первого заявителя снова избили сотрудники милиции, предварительно надев на него бронежилет. Он снова признался в совершении преступления.

21. 7 июня 2004 представители Юго-Западного отделения милиции осмотрели кабинет, в котором проводился допрос первого заявителя 21 мая 2004 года, и написали в рапорте, что «в кабинете не было обнаружено никаких посторонних предметов, которые могли бы быть использованы для нанесения телесных повреждений».

22. 10 июня 2004 года первый заявитель прошел еще одну судебно-медицинскую экспертизу по распоряжению следователя. Согласно результатам экспертизы, на ногах и лодыжках заявителя было обнаружено двадцать точечных ран, каждая примерно 0,3 см в ширину и 0,2 см в длину. На задней стороне его правого бедра был обнаружен фиолетовый синяк размером 3 см x 2 см. Врач сделал вывод, что травмы были незначительными и могли быть нанесены тупыми твердыми предметами, возможно, 24 мая 2004 года. В отчете говорится: «Судебно-медицинских данных, которые свидетельствовали бы, что травмы были вызваны электрическим током, нет».

23. 15 июня 2004 Хмельницкий РОВД составил отчет о проведенном внутреннем расследовании, в котором жалобы первого заявителя на жестокое обращение с ним в милиции были названы необоснованными. Отчет основывался на допросе сотрудников милиции, которые отрицали какое-либо насилие, а также медицинском заключении от 24 мая и отчете об осмотре кабинета 7 июня 2004 года.

24. 18 июня 2004 года ХГП приняла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции из-за отсутствия в их действиях состава преступления. Решение основывалось, главным образом, на допросе сотрудников милиции и выводах медицинских экспертиз от 24 мая и 10 июня 2004 года.

25. Первый заявитель пытался оспорить этот отказ как отдельно, так и в ходе судебного разбирательства его дела. В сентябре 2005 года ХГП сообщила ему, что его жалобы на жестокое обращение со стороны милиции присоединены к материалам его дела и будут рассмотрены в ходе судебного разбирательства.

26. Вообще решение прокуратуры от 18 июня 2004 года об отказе в возбуждении уголовного разбирательства против сотрудников милиции отменялось, а затем повторно подтверждалось три раза. При последнее его отмене 28 марта 2007 года, апелляционный суд Хмельницкой области (далее – «Хмельницкий областной суд») также сослался на то, что жалоба первого заявителя на жестокое обращение была включена в материалы, касающиеся его собственного уголовного дела, и должна быть рассмотрена в контексте судебного разбирательства ([см. также пункт 95 ниже](#)).

27. 22 июня 2004 года первый заявитель был переведен из ИВС в Хмельницкий СИЗО (далее – «СИЗО»). По утверждению Правительства, заявитель не жаловался на жестокое обращение медицинскому персоналу или администрации ИВС или СИЗО.

28. 20 июля 2004 года первый заявитель был якобы снова избит сотрудниками милиции, которые сопровождали его в суд для принятия решения относительно его содержания под стражей. В тот же день его отец подал жалобу по этому поводу в Генеральную прокуратуру (далее – «ГП»).

29. Отец заявителя также жаловался на жестокое обращение с заявителем на горячую линию отдела по борьбе с организованной преступностью Хмельницкого областного отдела милиции.

30. 19 августа 2004 года вышеупомянутый орган постановил направить дело в Хмельницкую областную прокуратуру (далее – «ХОП»), в связи с невозможностью установить истину в рамках собственного расследования.

31. В июне 2005 года адвокат первого заявителя обратился в лицензированный частный центр судебно-медицинской экспертизы о составлении экспертного заключения о следующем: (а) можно ли, на основании результатов медицинских экспертиз от 24 мая и 10 июня 2004 года, утверждать, что травмы на лодыжках заявителя были нанесены тупыми твердыми предметами; (б) какие повреждения обычно остаются на коже в результате прямого контакта с электрическим током и имели ли повреждения на теле заявителя такой

характер; (в) какие повреждения остаются на теле, если на человека перед избиением надеть бронежилет?

32. 29 июня 2005 года два эксперта вышеупомянутого центра, имеющие опыт работы двадцать три и четыре года соответственно, пришли к следующим выводам: травмы первого заявителя не могли быть нанесены тупыми твердыми предметами, их количество и характер указывают, что они, возможно, были нанесены 21 мая 2004 года вследствие контактов, возможно, неоднократных, с оголенными электрическими проводами. Что касается вопроса о травмах от побоев, нанесенных через бронежилет, врачи сослались на выводы своих коллег из Хмельницкого областного бюро судебно-медицинской экспертизы, приведенные в ходе судебного разбирательства, в соответствии с которыми в таких случаях могли быть получены внутренние повреждения. Такие повреждения можно выявить путем рентгеновского обследования, которое первому заявителю не проводилось.

33. Как видно из постановления Шепетовского суда от 10 июля 2006 года (см. пункт 82 ниже), упомянутые выше медицинские выводы были приобщены к материалам дела первого заявителя.

34. Факты, касающиеся расследования утверждений заявителя о жестоком обращении в ходе судебного разбирательства его дела приведены ниже в разделах, относящихся к судебному разбирательству.

3. Уголовное производство в отношении первого заявителя

(а) События, предшествовавшие официальному возбуждению дела

35. 21 мая 2004 года первый заявитель признался в вооруженном нападении на г-жу И. и ее убийстве (см. также пункт 14 выше).

36. В тот же день следователь обратился в Хмельницкий городской суд за санкцией о проведении обыска в двух квартирах – по месту регистрации первого заявителя и по месту его реального проживания. Запрос гласил, что, по данным следствия, заявитель, возможно, был причастен к убийству, и что в месте его проживания и/или регистрации могут быть найдены веские доказательства его вины.

37. В тот же день Хмельницкий городской суд санкционировал обыски.

38. Около 21 часа милиция обыскала квартиру, где первый заявитель жил со своей женой (второй заявительницей). Позже в тот же вечер был проведен обыск в квартире родителей заявителя, где он был официально зарегистрирован. При обысках не было обнаружено ничего, имеющего отношение к расследованию.

(в) Досудебное следствие и задержание первого заявителя

39. 23 мая 2004 года против первого заявителя было возбуждено уголовное дело по подозрению в разбое и убийстве из корыстных побуждений, и он был задержан следователем в рамках уголовного дела. Следователь документировал задержание в 12 часов дня, заполнив бланк документа под названием «Протокол задержания подозреваемого». Причины задержания уже были заранее напечатаны в бланке и выглядели следующим образом:

«Обстоятельства совершенного не исключают того, что подозреваемый [ФИО] может скрыться от следствия и препятствовать установлению истины, что в совокупности тяжестью совершенного является мотивом для его задержания».

В строке «Объяснения задержанного» было отмечено, что первый заявитель «ничего не пояснил». Был проведен личный досмотр заявителя, в результате которого «ничего не обнаружено». В тот же день он отказался от сделанных ранее признаний, утверждая, они были получены с применением силы.

40. 26 мая 2004 ХГП подала в Хмельницкий городской суд представление о заключении заявителя под стражу, ссылаясь на веские доказательства против него и то, что он подозревался в совершении тяжких преступлений. В соответствии с представлением, 21 мая 2004 года первый заявитель явился в Юго-Западный отдел милиции с повинной и признался в разбое и убийстве. Далее в представлении говорилось, что он был задержан по подозрению в вышеупомянутых преступлениях 23 мая 2004 года.

41. В тот же день, 26 мая 2004 года, Хмельницкий городской суд, после слушания с участием первого заявителя и г-на Ма., адвоката, нанятого его родителями ([см. пункт 53 ниже](#)), удовлетворил представление прокуратуры и заключил заявителя под стражу. Суд сослался на серьезность выдвинутых против заявителя обвинений и неотъемлемый риск его побега или воспрепятствования отправлению правосудия. В постановлении отмечалось, что оно может быть обжаловано в течение трех дней.

42. В материалах дела содержится копия письменного заявления первого заявителя от 28 мая 2004 года, в котором он отказался давать какие-либо показания в ходе досудебного расследования, ссылаясь на статью 63 Конституции. В то же время, из других документов видно, что в упомянутый день заявитель сделал еще одно признание. По словам первого заявителя, он сделал это признание после повторного избияения сотрудниками милиции в ХГП, и признание было продиктовано следователем.

43. 1 июня 2004 года первый заявитель снова признался в этих преступлениях в присутствии своего адвоката (г-на Ма.). По его словам, эти признания были сделаны в присутствии сотрудников

милиции, которые жестоко обращались с ним. В протоколе допроса от 1 июня 2004 года содержится и его признание, и его запись: «виновным себя не признаю».

44. 2 июня 2004 года некий г-н М. был задержан по тому же обвинению, что и заявитель, и признался в преступлениях после избияения сотрудниками милиции (как он позже жаловался в ходе судебного разбирательства).

45. 5 июня 2004 была проведена очная ставка между заявителем и г-ном М., в ходе которой первый заявитель повторил свое признание в присутствии назначенного адвоката г-на Ко. ([см. пункт 52 ниже](#)).

46. 15 июля 2004 года первый заявитель, в присутствии адвоката г-на Ма., отказался от сделанных ранее признаний, заявив, что они были получены под принуждением, и отказался признать себя виновным.

47. 20 июля 2004 года Хмельницкий городской суд, по просьбе прокуратуры, продлил срок содержания первого заявителя под стражей до 23 сентября 2004 года, ссылаясь на серьезность выдвинутых против него обвинений и неотъемлемый риск его побега или препятствования расследованию, которое еще не было завершено.

48. 31 августа 2004 года обвинения в отношении первого заявителя были изменены с умышленного убийства на тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть. Обоим обвиняемым были также предъявлены обвинения в разбое и незаконном хранении оружия.

49. 3 сентября 2004 года следствие было объявлено законченным, и первый заявитель и г-н М. получили доступ к материалам дела.

50. 22 сентября 2004 года дело было передано в Хмельницкий городской суд.

(с) Юридическое представительство первого заявителя во время досудебного следствия

51. По словам первого заявителя, он у него не было адвоката в период с 20 по 24 мая 2004 года.

52. Правительство утверждало, что 23 мая 2004 года заявителю был назначен адвокат (г-н Ко.).

53. 24 мая 2004 родители первого заявителя заключили договор с частным адвокатом, г-ном Ма., чтобы он представлял заявителя в уголовном деле.

54. 25 мая 2004 года г-н Ма. получил от следователя, занимающегося делом, письменное разрешение на встречи с первым заявителем в Хмельницком ИВС, где содержался его клиент.

55. 27 мая 2004 года первый заявитель отказался от услуг назначенного адвоката г-на Ко., и выразил желание быть представленным г-н Ма. В некоторых следственных действиях после этого он, тем не менее, соглашался быть представленным г-ном Ко.

56. 2 июня 2004 года г-н Ма. не был допущен к заявителю по причине неправильного оформления разрешения. На следующий день он подал жалобу по этому поводу начальнику Хмельницкого управления милиции.

57. 18 июня 2004 года г-н Ма. также обратился в ХГП с жалобой, что следователь препятствует его участию в следственных действиях. Он утверждал, в частности, что он не был надлежащим образом уведомлен о следственных действиях, которые проведены в его отсутствие. Кроме того, он жаловался на некомпетентность адвоката, назначенного заявителю.

58. 24 июня 2004 года начальник Хмельницкого отдела милиции написал г-ну Ма. что действительно, сотрудник ИВС незаконно препятствовал его встречам с заявителем, на которые у него было разрешение.

(d) Оправдание первого заявителя и его освобождение Хмельницким городским судом

59. 14 октября 2004 года Хмельницкий городской суд провел предварительное слушание, на котором оставил в силе содержание под стражей первого заявителя. В материалах, представленных сторонами в Суд, нет копии этого решения.

60. 5 мая 2005 года Хмельницкий городской суд под председательством судьи П. оправдал заявителя по всем пунктам обвинения, в то время как второй обвиняемый, г-н М., был признан виновным в незаконном хранении оружия, в не связанном с данными обвинениями (в его гараже были найдены охотничье ружье и коробка патронов, не имеющие отношения к убийству г-жи И.). Суд счел, что нет никаких доказательств вины подсудимых, и что их признания были получены с применением силы.

61. В решении отмечалось:

«Как утверждали обвиняемые еще на досудебном следствии, и это подтвердили в ходе судебного рассмотрения дела, ... к ним работники милиции применяли физическое и психологическое насилие, принуждая признаться в преступлении, которое не совершали, и об обстоятельствах его знали от работников милиции.

Сомнений в этом нет, поскольку по материалам дела в период времени, когда написаны явки с повинной, подсудимые находились под арестом. Они указывают на конкретных оперативных работников Юго-Западного отделения милиции, которые применяли к ним насилие, в подробностях описывают их действия. По их, подсудимых, ходатайствам были проведены судебно-медицинские экспертизы [...], по выводам которых у подсудимых выявлены телесные повреждения. На досудебном следствии [и заявитель, и г-н М.] отказались от своих признаний в преступлении против [семьи И.], в различные инстанции обращались с жалобами на действия работников правоохранительных органов».

62. Суд отметил, что и обстоятельства, и мотивы преступления были представлены в признаниях подсудимых непоследовательно. Суд отметил, что они вызвали подозрения милиции только потому, что сын г-жи И., который случайно увидел их вместе на улице, посчитал, что они похожи на нападавших фигурами и ростом. Суд признал, что расследование ошибочно посчитало доказательствами эти совершенно необоснованные аргументы. Кроме того, он признал все выводы расследования простыми предположениями, не подтвержденными никакими доказательствами.

63. Кроме того, суд отметил, что досудебное следствие считало «одним из основных доказательств участия подсудимых в совершении преступления» показания водителя такси, г-на К., который заявил, что он привез двух пассажиров к дому, в котором произошло убийство. Суд, однако, отметил, что описание этих пассажиров, данное водителем 22 марта 2004 года, отличалось от описания, данного им ранее, 13 марта 2004 года. Хотя г-н К. не смог указать каких-либо конкретных примет, он позже опознал первого заявителя (при выборе из двух человек) «по его росту».

64. Что касается других показаний, три свидетеля видели, как два человека сбегали вниз по лестнице рядом с местом убийства, но они не смогли опознать подсудимых. Следствие также обнаружило в доме г-на М. коробку с патронами, но они отличались от пули, от которой погибла жертва.

65. Суд отменил меру пресечения в отношении заявителя.

66. В тот же день, 5 мая 2005 года, Хмельницкий городской суд вынес частное постановление, в котором он обращал внимание ХОП, Хмельницкого областного управления милиции и Хмельницкого бюро судебно-медицинской экспертизы на следующие нарушения:

«[обвиняемых] задержали [...] по надуманным мотивам, осмотр их в присутствии понятых [...] не провели, сообщения о мотивах задержания, разъяснений в отношении защиты не делали, родственникам о задержании не сообщили».

67. В частном постановлении также отмечалось, что обвиняемые неоднократно жаловались на жестокое обращение со стороны милиции, указали причастных к жестокому обращению сотрудников милиции, и на их телах были обнаружены повреждения. Суд счел выводы врача, который осматривал заявителя 24 мая 2004 года и не нашел на теле заявителя никаких повреждений, вызванных электрическим током, поверхностными и необоснованными.

68. 5 мая 2005 года Хмельницкий городской суд принял еще одно постановление, в котором он отменил постановление прокуратуры от 18 июня 2004 года об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителя на жестокое обращение в милиции.

(е) Передача дела в Тернопольский областной апелляционный суд и отмена оправдательного приговора в отношении первого заявителя

69. Г-да И. (сын и муж покойной г-жи И., имевшие статус потерпевших в данном деле) обжаловали решение от 5 мая 2005 года. В июне 2005 года они оспорили в Верховном суде состав апелляционного суда Хмельницкой области, который должен был рассмотреть их апелляцию, на том основании, что некоторые из судей якобы состояли в дружеских отношениях с судьей П., под чьим председательством оспариваемое решение было принято в первой инстанции. Кроме того, они утверждали, что некоторые судьи входят в квалификационно-дисциплинарную комиссию адвокатуры, членами которого также являлись адвокаты подсудимых. На этом основании г-да И. требовали передать дело в апелляционный суд любой другой области.

70. 23 июня 2005 года заместитель председателя Верховного суда поручил Хмельницкому областному суду передать дело в Тернопольский апелляционный суд (далее – «Тернопольский суд») «с целью обеспечения наиболее полного и объективного рассмотрения дела».

71. 11 августа 2005 года Тернопольский суд постановил, что суд первой инстанции не оценил все доказательства по делу основательно и убедительно и принял утверждения подсудимых о том, что они подвергались жестокому обращению в милиции, не учтя соответствующие выводы органов прокуратуры. Суд также отметил, что не была дана оценка признаниям обвиняемых в присутствии их адвокатов. Тернопольский суд отметил, что некоторые слушания проводились без участия прокурора, и что Хмельницкий городской суд не отреагировал на ходатайство потерпевших о направлении дела на дополнительное расследование, посредством которого они пытались добиться применения более строгих положений Уголовного кодекса. На этом основании, Тернопольский суд отменил оправдательный приговор и два постановления Хмельницкого городского суда от 5 мая 2005 года и вернул дело в тот же суд для повторного рассмотрения другим составом судей.

72. Тернопольский суд отклонил просьбу потерпевших о передаче дела в любой другой суд Тернопольской области, так как такая передача противоречила бы Уголовно-процессуальному кодексу (далее – «УПК»).

(f) Передача дела в Шепетовский городской суд и повторное судебное рассмотрение дела первого заявителя

73. В августе и сентябре 2005 года адвокат, представлявший интересы потерпевших, попросил Верховный суд передать дело из Хмельницкого городского суда в суд в другой области. Он отметил,

что судья П., под чьим председательством ранее рассматривалось дело (см. пункт 60 выше), был заместителем председателя Хмельницкого городского суда, и что он, таким образом, мог повлиять на судопроизводство, независимо от состава судей.

74. 20 сентября 2005 года первый заместитель Председателя Верховного суда, не найдя оснований для передачи дела в другую область, поручил Хмельницкому областному суду рассмотреть вопрос о передаче дела в другой суд Хмельницкой области.

75. 29 сентября 2005 года Хмельницкий областной суд передал дело в Шепетовский городской суд (далее – «Шепетовский суд») Хмельницкой области.

76. 21 ноября 2005 года Шепетовский суд провел предварительное слушание, в ходе которого потерпевшие безуспешно требовали изменения меры пресечения в отношении подсудимых.

77. 4 января 2006 года Шепетовский суд вновь отклонил просьбу потерпевших о заключении подсудимых под стражу вместо подписки о невыезде. Суд отметил, что подсудимые не уклонялись от расследования и не препятствовали ему.

78. 10 июля 2006 года Шепетовский суд направил дело в ХГП на дополнительное расследование, отметив тридцать семь недостатков в ранее проведенном расследовании, которые не могли быть устранены в ходе судебного разбирательства.

79. Суд отметил, в частности, что признания подсудимых, а также показания свидетелей и потерпевшего (г-на И., сына г-жи И.) были недостаточно последовательны. Он отметил, в частности, что г-н И. первоначально несколько раз заявлял, что на него и его мать напали конкуренты по бизнесу. Позже, в суде, он изменил и описание внешности преступников (которое противоречило описаниям некоторых других свидетелей) и свою версию о том, кем, возможно, были преступники. Кроме того, в материалах дела имелся милицкий протокол, согласно которому один из таксистов слышал от соседа г-жи И., что последняя получает угрожающие телефонные звонки, потому что она снизила цены на свою продукцию. Дальнейшее расследование этого вопроса проведено не было.

80. Суд также отметил, что следователь никак не обосновал переквалификацию обвинения против заявителя с убийства на причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, а также добавление нового обвинения в незаконном хранении оружия.

81. Далее Шепетовский суд выразил свою озабоченность по поводу способа, с помощью которого следствие получило показания таксиста г-на К. (согласно решению суда, ключевого свидетеля по делу), который опознал заявителя как одного из двух пассажиров, которых он примерно во время убийства подвез к дому, где было совершено преступление, подождал там около получаса, и затем отвез в кафе. Суд

отметил, что 22 марта 2004 года следователь допрашивал г-на К. в качестве свидетеля по делу об убийстве г-жи И., и г-н К. в это время находился в Хмельницком ИВС по подозрению в незаконном хранении наркотиков. Хотя и г-н К., и следователь отрицали это в ходе судебного разбирательства дела заявителя, администрация ИВС подтвердила, что в упомянутый день, когда был составлен протокол допроса г-на К. в качестве свидетеля, он содержался под стражей в ИВС. Кроме того, в соответствии с журналом перемещения задержанных, в упомянутый день г-н К. находился в ИВС.

82. Кроме того, суд отметил, что утверждения подсудимых о том, что они подвергались жестокому обращению в отделениях милиции, не были должным образом расследованы. Критические замечания суда включали следующее:

«[ХГП] отказалась возбудить уголовное дело, основываясь на абсолютно идентичных объяснениях [сотрудников милиции], которые были заинтересованными лицами и которых подсудимые обвиняли о пытках, а также на выводах внутреннего расследования, проведенного старшими [должностными лицами милиции] в отношении их собственных подчиненных, что суд считает неприемлемым

В то же время, [ХГП] не смогла выяснить, почему, по каким причинам, при каких обстоятельствах и каким образом [заявитель] получил телесные повреждения, находясь в ИВС, а не в СИЗО, в течение более месяца.

... В материалах дела содержатся результаты судебно-медицинской экспертизы, согласно которой телесные повреждения [заявителя], возможно, были вызваны поражением электрическим током.

... Учитывая расхождения в медицинских заключениях... следует провести дополнительную судебно-медицинскую экспертизу...»

83. В тот же день, 10 июля 2006 года, Шепетовский суд вынес частное постановление, указав на ряд грубых нарушений уголовно-процессуального законодательства в ходе досудебного следствия, аналогичные упомянутым в частном постановлении Хмельницкого городского суда от 5 мая 2005 года. Суд вновь высказал критические замечания относительно расследования, проведенного в связи с утверждениями обоих обвиняемых о жестоком обращении с ними со стороны милиции. Суд, в частности, отметил:

«Прокурор поручил провести официальное расследование по факту применения насилия к обвиняемым непосредственным руководителям сотрудников, которых подсудимые обвиняли в применении пыток, и это расследование не выявило ничего преступного в действиях этих должностных лиц. Суд считает это неприемлемым».

84. Кроме того, суд отметил, что следователь назначил заявителю адвоката, хотя заявитель уже был представлен адвокатом по своему

выбору, которого не информировали должным образом о следственных мероприятиях.

(g) Повторная передача дела в Тернопольский суд

85. Потерпевшие обжаловали вышеупомянутое постановление Шепетовского суда. В то же время, они выступили против рассмотрения дела в Хмельницком областном суде.

86. 28 июля 2006 года первый заместитель председателя Верховного суда вновь поручил Хмельницкому областному суду передать дело в Тернопольский суд, сославшись на мотивацию, приведенную в поддержку этой передачи в его письме от 23 июня 2005 года.

87. 4 августа 2006 года Хмельницкий областной суд направил материалы дела в Тернопольский суд.

88. 4 октября 2006 Тернопольский суд отменил, по формальным основаниям, частное постановление Шепетовского суда от 10 июля 2006 года и оставил в силе решение ХГП от 18 июня 2004 об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции по жалобе первого заявителя на жестокое обращение. Тернопольский суд пришел к выводу, что требования статьи 236-1 УПК не были выполнены: не было письменного заявления об отмене отказа от 18 июня 2004 года, и, в любом случае, такое заявление должно было бы быть подано в Хмельницкий городской суд.

89. Тернопольский суд также исключил из постановления Шепетовского суда от 10 июля 2006 года о возвращении дела на дополнительное расследование все вопросы, кроме вопросов, касающихся классификации действий подсудимых в соответствии с Уголовным кодексом и оценки показаний сына г-жи И. Тернопольский суд отметил в своем постановлении:

«Исходя из материалов дела, а именно, учитывая совокупность всех собранных доказательств, характер преступных действий, орудие преступления – огнестрельное оружие, выводы судебно-медицинской экспертизы о локализации и характере ранений, коллегия судей считает, что потерпевшая И. умышленно лишена жизни и есть все основания для квалификации действий виновных лиц по статье УК Украины, предусматривающей ответственность за более тяжкое преступление...»

(h) Содержание первого заявителя под стражей 22-23 ноября 2006 года

90. 22 ноября 2006 года, в 10:50 утра, первый заявитель был задержан следователем по подозрению в умышленном убийстве. Следователь обосновал это решение стандартной формулировкой, содержащейся в бланке протокола задержания:

«Очевидцы, в том числе потерпевшие, прямо указывают на данное лицо, что именно оно совершило преступление».

91. 23 ноября 2006 ХГП приказала освободить заявителя на основании уголовно-процессуальных положений, регулирующих процедуру замены одной меры пресечения другой.

92. В тот же день первый заявитель подал в ХОП жалобу на его незаконное содержание под стражей в течение вышеуказанного периода.

(i) Присоединение жалобы первого заявителя на жестокое обращение к его уголовному делу

93. В соответствии с вышеупомянутым постановлением Тернопольского суда от 4 октября 2006 года ([см. пункт 88 выше](#)), первый заявитель обжаловал постановление ХГП от 18 июля 2004 года в Хмельницкий городской суд.

94. 26 февраля 2007 года Хмельницкий городской суд отменил постановление от 18 июня 2004 года и вернул дело в ХГП.

95. 28 марта 2007 года Хмельницкий областной суд отменил вышеупомянутое постановление от 26 февраля 2007 года и постановил, что расследование случаев жестокого обращения должно было проводиться в рамках уголовного дела первого заявителя, которое находилось на рассмотрении в Тернопольском суде.

(j) Содержание первого заявителя под стражей с 18 декабря 2006 года по 31 августа 2007 года

96. 30 ноября 2006 года следователь предъявил первому заявителю официальные обвинения: в двух умышленных убийствах из корыстных побуждений (учитывая, что он также пытался убить сына г-жи И., но не смог этого сделать по не зависящим от него причинам), разбое и незаконном хранении оружия.

97. В тот же день следователь подал представление в Хмельницкий городской суд о замене меры пресечения в отношении первого заявителя с подписки о невыезде на содержание под стражей. Ссылаясь на серьезность предъявленных обвинений и неотъемлемый риск побега, следователь заявил, что задержание было бы более подходящей мерой пресечения.

98. 18 декабря 2006 года Хмельницкий городской суд – в ходе слушаний с участием первого заявителя и его адвоката – рассмотрел представление следователя, а также жалобу первого заявителя относительно незаконности его содержания под стражей 22-23 ноября 2006 года. Суд отменил подписку заявителя о невыезде и заключил его под стражу по просьбе прокуратуры. Он отклонил как необоснованные жалобы заявителя о его задержании от 22 ноября 2006 года. Суд мотивировал избрание новой меры пресечения тем, что заявитель подозревается в совершении серьезных преступлений и может скрыться или помешать установлению истины. Суд сослался на

неуказанные заявления потерпевших. Что касается жалобы заявителя относительно его содержания под стражей 22-23 ноября 2006 года, суд отметил, что нет никаких оснований считать его незаконным.

99. Отец и адвокат первого заявителя подали апелляцию, в которой они утверждали, что, находясь под подпиской о невыезде, заявитель всегда являлся по повесткам следователя и что заявления семьи потерпевшего касательно его попыток повлиять на их показания сводились к подозрению, что «за ними кто-то следит». Кроме того, они отметили, что у первого заявителя проблемы со здоровьем, так как на момент задержания он проходил лечение в стационаре в неврологической больнице, что было подтверждено документальными доказательствами. Они также утверждали, что он имеет постоянное место жительства, не имел судимостей в прошлом, имеет на иждивении маленького ребенка и учится в университете. Поэтому, как они утверждали, нет никаких оснований полагать, что он может скрыться. Представители первого заявителя также оспорили выводы Хмельницкого городского суда, касающиеся содержания заявителя под стражей 22-23 ноября 2006 года. Они не делали никаких замечаний или жалоб в отношении их доступа или доступа заявителя к материалам дела до рассмотрения судом представления 18 декабря 2006 года.

100. 21 декабря 2006 года Хмельницкий областной апелляционный суд, после слушаний с участием адвоката и отца первого заявителя, отклонил апелляцию заявителя и оставил его под стражей, сославшись на серьезность выдвинутых против него обвинений и «опасение свидетелей за свою безопасность». Он также отклонил жалобу заявителя, касающуюся его содержания под стражей 22-23 ноября 2006 года, не найдя «существенных оснований для признания [его] незаконным».

101. В тот же день Хмельницкий областной суд по представлению следователя продлил срок содержания под стражей первого заявителя, до пяти месяцев (до 23 января 2007 года, включая его содержание под стражей с 23 мая по 22 сентября 2004 года). Суд сослался на тяжесть обвинений против заявителя, его неопределенные попытки помешать установлению истины, а также значительный объем дела.

102. 23 января 2007 года следователь обратился в Хмельницкий областной суд с еще одним представлением о продлении содержания под стражей первого заявителя, сославшись на объем следственной работы, которую предстоит выполнить.

103. В январе 2007 года (дата неразборчива) Хмельницкий областной суд продлил срок содержания под стражей заявителя до шести месяцев (до 23 февраля 2007 года). Он обосновал свое решение временем, необходимым для изучения материалов дела заявителем,

серьезностью обвинений, и его «негативным поведением во время пребывания на свободе».

104. 19 февраля 2007 года первый заявитель был осужден, и дело было передано в Хмельницкий областной апелляционный суд.

(к) Повторное судебное рассмотрение дела первого заявителя и его осуждение Тернопольским судом в качестве суда первой инстанции

105. В неустановленный день в 2007 году было принято решение, что Тернопольский суд будет рассматривать дело в качестве суда первой инстанции.

106. 21 марта 2007 года Тернопольский суд провел предварительные слушания. Суд оставил в силе содержание первого заявителя под стражей, постановив, что «нет оснований для изменения меры пресечения». Суд не установил какие-либо сроки содержания под стражей.

107. 31 августа 2007 года Тернопольский суд признал первого заявителя виновным в умышленном убийстве из корыстных побуждений, совершенном по предварительному сговору группой лиц, разбое и незаконном хранении оружия, и приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы.

108. Суд опирался, в частности, на показания таксиста К., согласно которым он привез двух пассажиров к дому, где было совершено преступление, ждал их там около получаса, а затем увез их. Он опознал заявителя «по чертам лица, форме носа и прическе», как одного из этих пассажиров. Г-н К. отрицал, что на него оказывалось какое-либо давление со стороны милиции. Он отметил, что его допрашивали в прокуратуре, но не вспомнил никаких подробностей того допроса. Следователь, который допрашивал г-на К., заявил, что допрос проходил в прокуратуре, но не в день, который указан в протоколе допроса, и что расхождение в датах было опечаткой. Г-н К. назвал неправдивым утверждение первого заявителя, что он оклеветал его под давлением милиции. Суд отметил:

«Данных, свидетельствующих о применении досудебным следствием к свидетелю [г-ну К.] незаконных методов следствия, что могло привести к оговору подсудимых, как утверждают последние, по делу не установлено.

Ссылки [первого заявителя] на то, что [г-н К.] задерживался работниками милиции 19 марта 2004 года и сдержался в милиции до 22 марта 2004 года, а потому поэтому опознал [первого заявителя как преступника], являются голословными, не подтверждаются материалами дела и не могут свидетельствовать об оказании на [г-на К.] давления с целью получения неправдивых показаний в отношении осужденных. Свидетель [г-н К.] в судебном заседании этот факт категорически отрицал, как и то, что ... он заявлял [первому заявителю], что оговорил его под давлением работников милиции, как неоднократно утверждал [первый заявитель].

Коллегия судей считает показания [г-на К.] в ходе досудебного следствия и в судебном заседании правдивыми, поскольку они как на досудебном следствии, так и в судебном заседании были одинаковыми, последовательными в деталях, существенных в показаниях не было, на что ссылаются подсудимые и защита, а поэтому кладет их в основу приговора как одно из доказательств в подтверждение вины подсудимых [...], так как они еще и объективно согласуются с другими доказательствами».

109. Суд также принял во внимание показания сына г-жи И., который думал, что он опознал первого заявителя и второго ответчика по их фигурам и жестам, увидев их вместе на улице. Он также принял к сведению показания нескольких свидетелей, которые видели двух человек в масках недалеко от места преступления. Тернопольский суд сослался на признания подсудимых, сделанные на начальном этапе досудебного следствия. Он объяснил некоторые расхождения между версиями подсудимых добровольным характером их признаний. Сотрудники милиции, предположительно причастные к жестокому обращению с подсудимыми, были допрошены в суде и отрицали эти обвинения. Суд также отметил, что первый заявитель не жаловался на жестокое обращение администрации ИВС или СИЗО. Суд допросил врачей, которые осматривали первого заявителя в мае и июне 2004 года, и они снова заявили, что его травмы были нетипичны для поражения электрическим током. Кроме того, суд сослался на постановление ХГП от 18 июня 2004 об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе первого заявителя. В свете этих соображений, суд признал необоснованной жалобу первого заявителя на жестокое обращение.

110. Срок содержания под стражей первого заявителя должен был рассчитываться, начиная с 18 декабря 2006 года, и включать его содержание под стражей с 23 мая 2004 года по 5 мая 2005 года и с 22 по 23 ноября 2006 года.

111. Первый заявитель подал кассационную жалобу, утверждая, в частности, что его вина не была доказана, и что его осуждение было, в первую очередь, основано на его признаниях, полученных под пытками и в отсутствие правовой помощи. Он отметил, что выводы судебно-медицинской экспертизы, подтверждающие его утверждение о том, что он подвергся пыткам электрическим током, были проигнорированы.

112. Кроме того, первый заявитель подчеркнул, что показания г-на К., на которые опирался суд как на доказательство его вины, резко изменились с течением времени не в его пользу и при подозрительных обстоятельствах. Он утверждал, в частности, что г-н К. первоначально заявил, что он не помнит никаких примет пассажиров, которых он вез 13 марта 2004 года. Первый заявитель также отметил, что 19 марта 2004 года сотрудники милиции задержали г-на К. за пребывание в нетрезвом состоянии. В ходе последующего личного досмотра

г-на К., у него был найден пакет вещества «растительного происхождения», и он был задержан. Именно во время его административного задержания он «вспомнил» некоторые общие приметы одного из своих пассажиров. Первый заявитель сослался на определенные страницы в материалах дела, где цитируются показания г-на К., который заявил в суде, что «разница между теми, кого я возил [13 марта 2004 года] и подсудимыми существенная», и что следователь внес неправдивую информацию в протокол его допроса во время досудебного следствия. Заявитель также утверждал, что в материалах дела имеется запись (сделанная техническим экспертом) его беседы с г-ном К., которая состоялась в 2006 году (по-видимому, в тот период, когда первый заявитель был на свободе), в которой г-н К. заявил, что милиция заставила его свидетельствовать против обвиняемых под угрозой обвинить его самого в убийстве г-жи И., что наркотики были ему подброшены, и что он дал обвинительные показания, находясь под стражей в ИВС. Первый заявитель подчеркнул, что г-н К. признался в суде, что он действительно встречался с ним в 2006 году, и что их разговор мог быть записан. Он также жаловался, что, хотя защита пыталась добиться прослушивания в судебном заседании вышеупомянутой аудиозаписи и допроса г-на К. в этой связи, суд первой инстанции отклонил это ходатайство без каких-либо объяснений. В кассационной жалобе также отмечалось, что в материалах дела содержится копия постановления следователя от 31 августа 2004 года об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении г-на К. без ссылки на какие-либо положения Уголовного кодекса – факт, который, по утверждению первого заявителя, так и не был оценен.

113. 20 марта 2008 года Верховный суд оставил в силе приговор в отношении первого заявителя. Суд, в основном, сослался на признания заявителя, сделанные в ходе досудебного следствия, в том числе в присутствии его адвоката, которые, по мнению суда, подтверждались другими доказательствами по делу. Что касается утверждений первого заявителя, что он подвергся жестокому обращению в милиции, суд отметил, что он изучил видеозапись следственных действий и установил, что заявитель давал признательные показания свободно и непринужденно, и что на его теле не было никаких повреждений. Кроме того, в соответствии с упомянутым выше определением Верховного суда, первый заявитель «ни разу не указывал на конкретных лиц, которые применяли к нему физическое давление» и что «на вопросы, как он себя чувствует, отвечал, что хорошо». Суд счел, что все лица, причастные к расследованию утверждений заявителя о жестоком обращении, были допрошены в ходе судебного разбирательства, и все соответствующие медицинские справки были изучены. В свете всего вышесказанного,

суд признал жалобу на жестокое обращение полностью необоснованной.

114. Что касается показаний свидетеля г-на К., Верховный суд отметил, что «он был неоднократно допрошен, как в ходе досудебного следствия, так и в судебном заседании», и что он опознал первого заявителя «без колебаний». Кроме того, суд отметил:

«Данных, которые бы свидетельствовали о применении правоохранительными органами недозволенных методов к данному свидетелю судом не установлено, а поэтому его показания обоснованно положены в основу обвинительного приговора».

С. Факты, касающиеся второй заявительницы

115. Вторая заявительница работала на фабрике, принадлежащей семье жертвы. В конце мая 2004 года она была в восьмом месяце беременности.

116. 21 мая 2004 года, примерно в 16 часов, вторая заявительница находилась на работе. Менеджер попросил ее зайти для разговора по работе, и два сотрудника милиции в штатском, как утверждает, без каких-либо объяснений и, не позволив ей переодеться из рабочей одежды в обычную, доставили ее в Юго-Западный отдел милиции. Там вторую заявительницу отвели в кабинет, где, по ее словам, было очень холодно. Сотрудники милиции, а также вдовец г-жи И., который также присутствовал в отделении милиции, якобы кричали на нее, угрожали ей лишением свободы и толкали ее в спину, принуждая дать показания против ее мужа.

117. Вторая заявительница написала, что в момент убийства ее муж (первый заявитель) был вместе с ней дома.

118. После допроса, который длился около четырех часов, вторую заявительницу отвезли обратно на завод. Ей пришлось подождать некоторое время, пока ей открыли дверь, и она смогла переодеться в свою одежду.

119. 22 мая 2004 года вторая заявительница подала жалобу в прокуратуру относительно незаконности ее задержания 21 мая 2004 года.

120. 11 июня 2004 года прокуратура написала ей, что милиция не нарушила уголовно-процессуальное законодательство.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА, ДЕЙСТВОВАВШИЕ В ТО ВРЕМЯ

A. Конституция Украины 1996 года

121. Статьи 28 и 29 Конституции, применимые в данном случае, предусматривают:

Статья 28

Каждый имеет право на уважение его достоинства.

Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению либо наказанию...

Статья 29

Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом.

В случае неотложной необходимости предотвратить преступление или его пресечь уполномоченные на то законом органы могут применить содержание лица под стражей в качестве временной меры пресечения, обоснованность которой в течение семидесяти двух часов должна быть проверена судом. Задержанное лицо немедленно освобождается, если в течение семидесяти двух часов с момента задержания ему не вручено мотивированное решение суда о его содержании под стражей.

Каждому арестованному или задержанному должно быть безотлагательно сообщено о мотивах ареста или задержания, разъяснены его права и предоставлена возможность с момента задержания защищать себя лично и пользоваться правовой помощью защитника.

Каждый задержанный имеет право в любое время обжаловать в суде свое задержание.

Об аресте или задержании человека должно быть незамедлительно сообщено родственникам арестованного или задержанного.

122. Статьи 59 и 63, касающиеся права на правовую помощь и права не свидетельствовать против самого себя, можно найти в решении от 19 февраля 2009 года по делу [Shabelnik v. Ukraine \(no. 16404/03, § 25\)](#).

В. Уголовный кодекс 2001 года

123. Статья 115 предусматривает лишение свободы на срок от семи до пятнадцати лет за умышленное убийство и лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненно за умышленное убийство из корыстных побуждений и/или совершенное по предварительному сговору группой лиц.

124. Статья 121 предусматривает наказание за умышленное причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, в виде лишения свободы на срок от семи до десяти лет.

125. В соответствии с пунктом 4 статьи 187 разбой, совершенный по предварительному сговору группой лиц либо в сочетании с причинением тяжкого вреда здоровью, наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

126. Пункт 1 статьи 263 предусматривает лишение свободы на срок от двух до пяти лет за незаконное хранение и использование оружия.

127. В соответствии со статьей 371 заведомо незаконное задержание или арест является преступлением, наказуемым лишением свободы на срок до пяти лет.

С. Кодекс об административных правонарушениях 1984 года

128. Статья 44 запрещает незаконное производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта в небольших размерах.

129. Статья 263 предусматривает административное задержание за административное правонарушение на срок не более трех часов. В исключительных случаях, предусмотренных законодательством, продолжительность административного задержания может быть больше. Лица, подозреваемые в правонарушениях, связанных с наркотиками, могут быть задержаны на срок до трех часов для составления протокола о правонарушении. Если личность подозреваемого не установлена, либо если есть необходимость медицинского обследования или уточнения обстоятельств, при которых были приобретены наркотики, либо если требуется провести анализ наркотика, административное задержание может быть продлено до трех дней при условии уведомления прокурора, или до десяти дней – при наличии санкции прокурора и если личность правонарушителя не установлена.

D. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) 1960 года

130. Положения, касающиеся применения мер пресечения и их формы, сроков предварительного заключения, а также оснований и процедуры задержания органом дознания (в данном случае следователем), можно найти в решении по делу *Molodorych v. Ukraine judgment*, no. 2161/02, §§ 56-58, 28 October 2010.

131. Положения, касающиеся возбуждения уголовного дела и расследования преступлений, можно найти в решении от 27 ноября 2008 года по делу *Spinov v. Ukraine* (no. 34331/03, § 33).

132. В соответствии со статьей 23-2, если суд обнаружил нарушение закона и/или прав граждан в ходе дознания или досудебного следствия, либо во время рассмотрения дела в нижестоящем суде, суд принимает частное постановление, в котором он обращает внимание соответствующих органов на установленные факты и поручает им принять определенные меры для исправления ситуации. Непринятие необходимых мер считается административным правонарушением.

133. Статья 45 предусматривает, что юридическое представительство в ходе расследования, предварительного следствия и судебного разбирательства в суде первой инстанции является обязательным, если, в частности, возможно наказание в виде пожизненного заключения. Кроме того, статья гласит, что в этом случае юридическое представительство должно быть обеспечено с момента задержания лица или предъявления ему обвинения.

134. Статья 97 обязывает прокуроров, следователей, органы дознания и судей принимать заявления или сообщения относительно совершенных или готовящихся преступлений, в том числе в случаях, которые не относятся к их компетенции, и принять, в трехдневный срок, одно из следующих решений: (1) о возбуждении уголовного дела; (2) об отказе в возбуждении уголовного дела; или (3) о передаче заявления или сообщения для дальнейшего рассмотрения в соответствии с юрисдикцией.

135. Согласно пунктам 2 и 4 статьи 155, лица, заключенные под стражу, содержатся в следственных изоляторах (СИЗО, входящих в уголовно-исполнительную систему). В исключительных случаях они могут также находиться в изоляторах временного содержания (ИВС, входящих в инфраструктуру милиции), но в течение не более трех дней. Если перевод в СИЗО невозможно обеспечить в упомянутый срок из-за его удаленности или отсутствия сообщения, задержанный может оставаться в ИВС на срок до десяти дней.

136. В соответствии со статьей 236-1, жалоба на решение следователя или прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела может быть подана лицом, чьи интересы оно затрагивает, в суд по месту нахождения соответствующего органа или должностного лица.

137. До внесения поправок от 21 июня 2001 года, статья 244 предусматривала, что в решении суда, принятом в рамках предварительного слушания, должны указываться причины изменения меры пресечения. Вышеупомянутые поправки отменили это положение. Статья 237, в редакции, действовавшей в то время, обязывала судью суда первой инстанции рассмотреть в предварительном заседании, в частности, вопрос, имеются ли основания для изменения, отмены или применения меры пресечения.

138. В соответствии с пунктом 1 статьи 370, существенными нарушениями уголовно-процессуального законодательства являются факторы, которые препятствуют или могут препятствовать суду полно и тщательно изучить дело и принять законное, обоснованное и справедливое решение. Пункт 2 настоящей статьи упоминает нарушение права обвиняемого на защиту, а также нарушение правил территориальной юрисдикции в качестве существенных нарушений, которые служат основанием для отмены судебного решения в любом случае (то есть, независимо от того, были ли выполнены требования пункта 1).

Е. Гражданско-процессуальный кодекс 1963 года

139. Глава 31-А Кодекса касается жалоб в отношении решений, действий или бездействия государственных органов и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц. В частности, статья 248-1 Кодекса гласит, что любой, кто считает, что его или ее права и свободы были нарушены решениями, действиями или бездействием государственного органа, юридического лица или должностного лица, может подать жалобу в суд.

Г. Закон Украины «О порядке возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» («Закон о возмещении»)

140. Статьи 1 и 2 (до внесения изменений 1 декабря 2005 года) можно найти в следующих решениях, соответственно: *Kobtsev v. Ukraine* (no. 7324/02, § 35, 4 April 2006) и [Afanasyev v. Ukraine](#) (no. 38722/02, § 52, 5 April 2005).

141. В соответствии с поправками, внесенными в Закон о возмещении 1 декабря 2005 года, в перечень случаев, когда может возникнуть право на возмещение, был добавлен следующий пункт:

«(1-1) если... незаконность заключения под стражу и содержания под стражей... была установлена решением или другим постановлением суда (за исключением решений о передаче дел на дополнительное расследование)».

Г. Выдержки из отчета Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека (омбудсмена) за 2004-2005 годы

142. Соответствующие выдержки из главы 4.4 гласят:

«Во время пребывания в отделениях милиции, задержанные особенно подвержены риску стать жертвами избиений или унижений...

В каждом ежегодном отчете Уполномоченный подчеркивает, что сотрудники правоохранительных органов систематически подвергают задержанных пыткам...

Уполномоченный неоднократно отмечал, что одной из основных причин применения насилия сотрудниками милиции является то, что уровень раскрываемости преступлений остается основным предметом отчетности о результатах деятельности. Милиция достигает необходимого уровня раскрываемости, пытая невинных людей. И данные, подтверждающие это, вызывают серьезную тревогу...

Следующее явление было отмечено в прошлом и по-прежнему остается в силе. Для того чтобы проверить, причастен ли человек к преступлению, он помещается под административный арест на сфабрикованных основаниях и подвергается пыткам с целью сломить его волю и заставить признаться в совершении преступления. Именно в этот период задержанный особенно серьезно рискует потерять жизнь или стать инвалидом, а также подвергается невыносимым унижениям и потере собственного достоинства...

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

143. Соответствующие выдержки из доклада КПП украинскому правительству о визите в Украину, проведенном 9-21 октября 2005 года [СРТ/Inf (2007) 22], гласят:

«...

15. Со времени первого визита КПП в Украину, обращение с лицами, лишенными свободы, со стороны сотрудников органов внутренних дел вызывало очень серьезную озабоченность. Визит 2005 года показал небольшое уменьшение масштабов жестокого обращения, хотя и недостаточное для того, чтобы развеять озабоченность Комитета. Действительно, в ходе визита 2005 года, делегация Комитета получила значительное количество утверждений о преднамеренном жестоком физическом обращении с задержанными [...] со стороны оперативных сотрудников, в частности, в ходе первого допроса в районных отделениях милиции с целью получения признаний в совершении уголовных преступлений, за которые лица были задержаны, или дополнительных признаний, касающихся нераскрытых преступлений. [...] В некоторых случаях, тяжесть предполагаемого жестокого обращения – или сочетания нескольких видов жестокого обращения – была такова, что его можно было рассматривать как пытки.

...

18. В свете выводов делегации, Комитет не имеет другого выбора, кроме как повторить выводы, изложенные им в пункте 20 отчета о посещении 2002 года. Сейчас, три года спустя, Комитет вынужден заявить, что лица, лишённые свободы сотрудниками внутренних дел, по-прежнему подвергаются значительному риску стать жертвами жестокого обращения (в отдельных случаях, серьезных форм жестокого обращения/пытках) со стороны оперативных сотрудников, в частности, во время допросов».

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

144. Первый заявитель жаловался, что он подвергся пыткам в отделениях милиции и национальные органы не расследовали его жалобы. Он сослался на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Приемлемость

145. Суд отмечает, что эти жалобы не являются откровенно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3(a) Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что они не являются неприемлемыми и по другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

B. Существо дела

1. Заявленное жестокое обращение

(a) Аргументы сторон

146. Первый заявитель утверждал, что в отделении милиции его пытали электрическим током. Ссылаясь на медицинские заключения от 24 мая и 10 июня 2004 года и выводы Шепетовского суда в постановлении от 10 июля 2006 года, он подчеркнул, что получение им телесных повреждений во время нахождения в отделении милиции является установленным фактом. Первый заявитель также утверждал, что хотя власти отрицают, что к нему применялся электрический ток, они не смогли дать никакого правдоподобного объяснения о происхождении этих повреждений. Кроме того, медицинское

заключение от 29 июня 2005 года, подтверждающее его жалобы, не было оспорено или хотя бы прокомментировано властями.

147. Правительство утверждало, что первый заявитель не доказал правдивость утверждений о жестоком обращении вне разумных сомнений. Они отметили, что он никогда не жаловался медицинскому персоналу или администрации Хмельницкого ИВС или СИЗО. Хотя медицинские заключения от 24 мая и 10 июня 2004 года подтвердили, что у первого заявителя имеются некоторые телесные повреждения, они опровергли его утверждения в отношении их происхождения. Кроме того, данные травмы были классифицированы как незначительные. В целом, Правительство считает, что жалобы первого заявителя были должным образом проверены национальными судами в рамках судебного рассмотрения его дела, и были справедливо отклонены как необоснованные.

(b) Оценка Суда

148. Суд повторяет, что статья 3 Конвенции закрепляет основные ценности демократического общества в странах, входящих в состав Совета Европы и считается одним из самых фундаментальных положений Конвенции, не допускающим никаких отступлений (см., среди прочего, *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 95, ECHR 1999-V). Если жалоба касается этого положения, Суд должен провести особенно тщательное рассмотрение, основываясь на всех материалах, представленных сторонами (см. *Matyar v. Turkey*, no. 23423/94, § 109, 21 February 2002, и *Ülkü Ekinçi v. Turkey*, no. 27602/95, § 136, 16 July 2002).

149. При определении, можно ли конкретную форму жестокого обращения классифицировать как пытки, следует учитывать воплощенное в статье 3 различие между этим понятием и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Как уже отмечалось в предыдущих решениях, эти различия имеют целью максимально осудить особо жестокие формы бесчеловечного обращения, вызывающего серьезные страдания (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, § 167, Series A no. 25). В дополнение к тяжести жестокого обращения, в пытке существует элемент преднамеренности, как это предусмотрено в Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, статья 1 которой предусматривает, что пытка – это умышленное причинение сильной боли или страдания с целью, в частности, получения информации, наказания или запугивания (см. *Selmouni*, упомянутое выше, § 97; и *Akkoç v. Turkey*, nos. 22947/93 and 22948/93, § 115, ECHR 2000-X). В решении по делу *Selmouni*, упомянутому выше, Суд пришел к выводу, что необходимы все более

строгие стандарты в сфере защиты прав человека и основных свобод, и неизбежно требуется проявлять больше твердости при оценке нарушений фундаментальных ценностей демократического общества (§ 101).

150. Как неоднократно постановлял Суд, заявления о жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами. При оценке доказательств Суд обычно применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений». Такие доказательства могут следовать из сочетания достаточно сильных, четких и согласующихся выводов или подобных неопровержимых презумпций фактов (см., как классический пример, *Ireland v. the United Kingdom*, упомянутое выше, § 161). В случаях, когда рассматриваемые события находятся, полностью или в значительной степени, в исключительном ведении властей, например, в делах, касающихся лиц, содержащихся под стражей, в отношении повреждений, полученных во время такого содержания под стражей, возникает сильная фактическая презумпция. В таких случаях бремя доказывания может быть возложено на власти, которые должны представить правдоподобное и убедительное объяснение (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

151. Возвращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что две судебно-медицинские экспертизы, от 24 мая и 10 июня 2004 года, проведенные по поручению следователя, выявили у заявителя телесные повреждения, представляющие собой около двадцати точечных повреждений на обеих лодыжках и фиолетовый синяк на бедре; при этом был сделан вывод, что эти повреждения были получены в то время, когда заявитель находился под стражей в милиции (см. [пункты 17](#) и [22 выше](#)). Это не оспаривается сторонами.

152. В то же время, Суд отметил, что стороны дали различные объяснения по поводу происхождения этих повреждений. С одной стороны, первый заявитель дал подробные и последовательные объяснения, подтвержденные выводами частной судебно-медицинской экспертизы от 29 июня 2005 года (см. [пункт 32 выше](#)), в соответствии с которыми в отделении милиции к нему применяли электрический ток. С другой стороны, версия властей поддерживается официальными медицинскими заключениями от 24 мая и 10 июня 2004 года о том, что рассматриваемые травмы «могли образоваться от тупых твердых предметов», без каких-либо дополнительных деталей или комментариев по поводу заключения экспертизы от 29 июня 2005 года, хотя оно было включено в материалы уголовного дела первого заявителя (см. [пункты 17](#), [22](#) и [82](#) выше).

153. Суд не находит убедительным объяснения Правительства относительно происхождения повреждений заявителя. Он также не согласен с их точкой зрения, что тот факт, что первый заявитель не

жаловался на жестокое обращение администрации ИВС или СИЗО, ставит под сомнение достоверность его утверждений. Он мог воздерживаться от жалоб администрации ИВС из-за ее структурной связи с милицией, которую он обвинял в пытках ([см. пункт 135 выше](#)). В то же время, Суд не упускает из виду попытки первого заявителя довести этот вопрос до сведения органов прокуратуры, что подтверждается тем, что ХГП поручила провести судебно-медицинскую экспертизу 24 мая 2004 года. В отношении того, что первый заявитель не поднимал этот вопрос перед администрацией СИЗО, Суд находит, что это не имело никакого смысла, так как к моменту его перевода в СИЗО (22 июня 2004 года), прокуратура уже организовала два медицинских обследования и приняла решение об отказе в возбуждении дела против сотрудников милиции для установления их уголовной ответственности.

154. Учитывая вышесказанное, а также то, что власти не оспорили и даже не прокомментировали медицинские свидетельства в поддержку утверждений заявителя о жестоком обращении посредством применения электрического тока, Суд считает установленным, в соответствии со стандартами доказывания в разбирательствах по Конвенции, что телесные повреждения, отмеченные в медицинских заключениях, были результатом обращения, на которое жаловался заявитель, и за которое Правительство несет ответственность (*см. Polonskiy v. Russia*, по. 30033/05, § 123, 19 March 2009, и упомянутое там *Mehmet Emin Yüksel v. Turkey*, по. 40154/98, § 30, 20 July 2004).

155. Принимая во внимание то, что заявитель впервые признался в убийстве г-жи И. 21 мая 2004 года, формально будучи задержанным за не связанное с делом административное правонарушение, и учитывая его утверждения об избиениях со стороны милиции до его повторных признаний 26 и 28 мая 2004 года ([см. пункты 14, 20 и 42 выше](#)), Суд считает вероятным, что сотрудники милиция преднамеренно применили к нему жестокое обращение с целью получения признаний (*см. и ср. Durmuş Kurt and Others v. Turkey*, по. 12101/03, § 30, 31 May 2007).

156. Кроме того, с учетом того, что первый заявитель и его жена (вторая заявительница), которая была в то время на восьмом месяце беременности, допрашивались примерно в одно и то же время в течение 21 мая 2004 года в одном том же отделении милиции, Суд считает правдоподобным утверждение первого заявителя о том, что его косвенно запугивали применением пыток к его жене ([см. пункты 14 и 116 выше](#), а также [пункт 189 ниже](#)). Суд повторяет, что угрозы применения обращения, запрещенного статьей 3, при условии, что они достаточно реальны и непосредственны, могут представлять собой нарушение этого положения (*см. Gäfgen v. Germany* [GC], по. 22978/05,

§ 91, ECHR 2010-...). Суд напоминает, что в деле *Akkoç v. Turkey*, упомянутом выше, он принял во внимание психологическое воздействие угроз в отношении детей жертвы при квалификации рассматриваемых действий как пытки (§§ 116 и 117). Кроме того, Суд считает, что в данном случае угрозы применить пытки к жене первого заявителя – которая была особенно уязвима в связи с поздним сроком беременности и, как было известно первому заявителю, находилась в милиции – должны были значительно усугубить его психические страдания.

157. Суд уже устанавливал, что применение к человеку электрического тока является особенно серьезной формой жестокого обращения, способной спровоцировать сильную боль и жестокие страдания, и поэтому может рассматриваться в качестве пытки, даже если не приводит к каким-либо долгосрочным последствиям для здоровья (см. *Polonskiy*, упомянутое выше, § 124; и *Buzilov v. Moldova*, no. 28653/05, § 32, 23 June 2009). Суд не видит причин применять иной подход в данном деле. Кроме того, Суд считает, что, как свидетельствуют все обстоятельства данного дела, жестокое обращение с первым заявителем было направлено на то, чтобы запугать и оскорбить его, сломить его волю и заставить его признаться в совершении уголовного преступления.

158. Наконец, что не менее важно, Суд не упускает из виду тревожные выводы – совпадающие с утверждениями первого заявителя в данном деле – сделанные в то же время украинским омбудсменом и Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения, что существует значительный риск применения пыток к лицам, находящимся под стражей в милиции, особенно во время допросов, направленных на раскрытие преступлений (см. пункты 142-143 выше).

159. Принимая во внимание тяжесть жестокого обращения с первым заявителем и сопутствующие обстоятельства, Суд считает, что он стал жертвой очень серьезных и жестоких страданий, которые могут быть квалифицированы как пытки. Соответственно, была нарушена статья 3 Конвенции в ее материальном аспекте.

2. Эффективность расследования

160. Первый заявитель утверждал, что не было проведено эффективное национальное расследование его утверждений о пытках со стороны милиции.

161. Правительство не согласилось с этой точкой зрения. Они утверждали, что эффективность расследования была проверена и подтверждена на двух уровнях юрисдикции в ходе судебного рассмотрения дела первого заявителя.

162. Суд отмечает, что, когда человек подает небезосновательную жалобу о том, что он подвергся серьезному жестокому обращению в нарушение статьи 3, это положение, в сочетании с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», косвенно требует проведения эффективного официального расследования (см., среди прочего, *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 131, ECHR 2000-IV). Таким образом, власти всегда должны прилагать максимум усилий, чтобы выяснить, что произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования или в качестве основания для принятия решения (см. *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 103 et seq., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII).

163. Суд считает, что в данном случае власти не приложили должных усилий для выяснения того, что случилось с первым заявителем в Юго-Западном отделении милиции. Они не оспаривали, что он получил телесные повреждения, находясь под стражей в милиции. Власти, однако, последовательно сводили свои рассуждения о том, что жалобы заявителя были необоснованными, к признанию неправдоподобными утверждений, что его пытали электрическим током. В то же время, они даже не пытались прояснить обстоятельства, при которых он на самом деле получил эти повреждения.

164. Хотя вышеупомянутое упущение неоднократно признавалось и подвергалось критике со стороны национальных органов (см. пункты [61](#), [67](#), [82](#) и [83](#) выше), оно так и не было устранено. Таким образом, Суд отмечает, что попытки первого заявителя оспорить постановление ХГП от 18 июня 2004 года об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции были отклонены под тем предлогом, что этот вопрос будет рассмотрен в контексте разбирательства его собственного дела ([см. пункт 95](#) выше). Суд сомневается в адекватности такого подхода в принципе, учитывая, что целью уголовного разбирательства в отношении заявителя было признание его невиновным или виновным в уголовных обвинениях, выдвинутых против него, а не выявление ответственных за избиения или назначение возмещения за заявленное нарушение статьи 3 Конвенции (см. *Toteva v. Bulgaria* (dec.), no. 42027/98, 3 April 2003). Суд отмечает, что рассмотрение Тернопольским судом утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны милиции заключалось в неоднократных допросах сотрудников милиции и медицинских экспертов, которые отрицали, что к заявителю применялся электрический ток, и утверждали, что повреждения могли быть нанесены «тупыми твердыми предметами», без каких-либо

дополнительных объяснений. Суд считает поразительным, что суд первой инстанции вообще проигнорировал – как видно из его решения от 31 августа 2007 года – альтернативное медицинское заключение, которое содержалось в материалах дела и поддерживало утверждения первого заявителя (см. [пункты 32](#) и [109 выше](#)). Что касается последующего рассмотрения дела Верховным судом, Суд приходит к выводу, что оно было поверхностным и явно игнорировало важные документы и факты. В частности, Верховный суд свел свои действия к анализу видеозаписи следственных действий, на которой на теле заявителя не было видно никаких повреждений, и этого было достаточно для того, чтобы признать его жалобу необоснованной. Кроме того, Верховный суд установил, что первый заявитель «ни разу не указывал на конкретных лиц, которые применяли к нему физическое давление» и что «на вопросы, как он себя чувствует, отвечал, что хорошо», хотя к тому времени было известно, что он подавал вполне конкретные жалобы, содержащие фамилии конкретных должностных лиц (см. [пункты 61, 82 и 113 выше](#)), и его повреждения, полученные во время пребывания под стражей в милиции, были официально зарегистрированы.

165. В целом, Суд приходит к выводу, что эффективное расследование утверждений первого заявителя о жестоком обращении с ним со стороны милиции проведено не было. Следовательно, была нарушена статья 3 Конвенции также в ее процессуальном аспекте.

II. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 §§ 1, 2, 3 И 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

166. Первый заявитель жаловался, что его содержание под стражей с 20 по 26 мая 2004 года было незаконным и произвольным. Кроме того, он жаловался, что он не был незамедлительно уведомлен о причинах его задержания 20 мая 2004 года и был доставлен к судье лишь на шестой день после его задержания. Он также жаловался, что его повторные задержания 22-23 ноября и 18-21 декабря 2006 года были незаконными, так же как и следующие периоды его содержания под стражей: с 23 февраля по 21 марта 2007 года, поскольку они не были санкционированы никаким решением; с 14 октября 2004 года по 5 мая 2005 года и с 21 марта по 31 августа 2007 года, поскольку они были основаны на немотивированных судебных решениях, не предусматривавших каких-либо временных ограничений. Кроме того, первый заявитель считает, что общая продолжительность его содержания под стражей не может считаться разумной. Наконец, он жаловался, что украинское законодательство не обеспечивает ему возможность требовать возмещения за незаконное лишение свободы.

Первый заявитель сослался на статью 5 §§ 1, 2, 3 и 5 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения; ...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд. ...

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

А. Приемлемость

167. Правительство утверждало, что жалоба первого заявителя по статье 5 § 5 Конвенции должна была быть отклонена как несовместимая *ratione personae* с положениями Конвенции в отношении получения возмещения за предполагаемые нарушения его прав, предусмотренных пунктами 2, 3 и 4 статьи 5 Конвенции. Они отметили в этой связи, что первый заявитель утверждал, по существу, что он стал жертвой нарушения пункта 5 статьи 5 только в сочетании с пунктом 1 (с), но не другими ее положениями.

168. Заявитель не согласился, отметив, что в своем заявлении он сослался на пункт 5 статьи 5 в сочетании с пунктами 1-4.

169. Суд повторяет, что он рассматривает поданные жалобы на основании изложенных в них фактов, не полагаясь только на правовые основания или приведенные аргументы. Обладая полномочиями давать правовую квалификацию обстоятельствам дела и принимая во внимание существо жалобы первого заявителя по статье 5 § 5 Конвенции, Суд постановил рассматривать жалобу только в сочетании со статьей 5 § 1(с) (см. see *Guerra and Others v. Italy*, 19 February 1998, § 44, *Reports* 1998-I).

170. В свете такой классификации, нет необходимости ни поддерживать, ни отклонять возражения Правительства.

171. Суд отмечает, что эти жалобы не являются откровенно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3(а) Конвенции или неприемлемыми по любым другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо дела

1. Статья 5 § 1 Конвенции

172. Суд отмечает, что жалобы первого заявителя по данной статье касаются нескольких отдельных эпизодов и периодов лишения его свободы, и Суд будет рассматривать их по отдельности.

(а) С 20 по 26 мая 2004 года

173. Первый заявитель утверждал, что его задержание 20 мая 2004 года не было основано на обоснованном подозрении, что он совершил преступление. Далее он отметил, что его содержание под стражей 20 мая 2004 года с 13:00 до 21:45 не было зарегистрировано, а его последующее административное содержание под стражей было лишь предлогом для его задержания для допроса в связи с расследуемым убийством. Первый заявитель подчеркнул, что даже этот надуманный предлог прекратил существовать 22 мая 2004 года, когда эксперт пришел к заключению, что вещество, найденное при нем, не было наркотиком. Он также утверждал, что его административное задержание было переквалифицировано в уголовное, и что он оставался под стражей в качестве подозреваемого в уголовном преступлении без санкции суда с 23 по 26 мая 2004 года, что, по его мнению, противоречило гарантиям статьи 29 Конституции, разрешающей такое содержание под стражей только в особых обстоятельствах, неприменимых к его ситуации.

174. Правительство утверждает, что первый заявитель был задержан 20 мая 2004 года по подозрению в правонарушении, связанном с наркотиками и его задержание соответствовало статье 263 Кодекса об административных правонарушениях. Они отметили, что он был задержан в административном порядке без прокурорского или судебного ордера в течение трех дней, разрешенных в соответствии с вышеупомянутым правовым положением, после чего он был освобожден (23 мая 2004 года). Что касается последующих трех дней содержания первого заявителя под стражей (с 23 по 26 мая 2004 года), Правительство утверждало, что оно было основано на обоснованном

подозрении в участии в убийстве и соответствовало уголовно-процессуальному законодательству.

175. Суд повторяет, что «обоснованное подозрение» предполагает наличие фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя, что лицо могло совершить преступление (см. *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*, 30 August 1990, § 32, Series A no. 182). Целью задержания для допроса является дальнейшее уголовное расследование для подтверждения или опровержения подозрений, которые были основанием для задержания (см. *Murray v. the United Kingdom*, 28 October 1994, § 55, Series A, no. 300-A). Однако требование о том, что подозрение должно быть основано на разумных основаниях, является существенной частью защиты от произвольного ареста и задержания. Более того, в отсутствие обоснованного подозрения, арест или задержание лица не могут производиться с целью получения от него признания, показаний против других лиц, либо получения фактов или информации, которая может послужить для обоснования подозрения (см. *Cebotari v. Moldova*, no. 35615/06, § 48, 13 November 2007).

176. Суд также отмечает, что незарегистрированное задержание лица является полным игнорированием принципиально важных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и представляет собой грубое нарушение этого положения. Отсутствие регистрации таких данных, как дата, время и место задержания, имя задержанного, основания для задержания и имя человека, производившего задержание, следует рассматривать как несовместимое с требованиями законности и самой целью статьи 5 Конвенции (см. *Kurt v. Turkey*, 25 May 1998, § 125, *Reports* 1998-III).

177. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что единственным документом, содержащим разъяснения относительно оснований для задержания первого заявителя 20 мая 2004 года (до его административного задержания) и формулировку подозрений, на основании которых милиция решила его задержать, является внутренний рапорт сотрудников, производивших задержание, на имя их начальника, согласно которой задержание было вызвано тем, что заявитель «быстро шел, оглядываясь вокруг», и что он сомневался, идти домой или в другое место (см. пункт 7 выше). Суд считает, что, во-первых, этот рапорт не является действительным документом, регистрирующим задержание, и, во-вторых, на том этапе не имелось никакого обоснованного подозрения в совершении первым заявителем какого-либо преступления.

178. В отношении последующего задержания первого заявителя (с 20 по 23 мая 2004 года), зарегистрированного милицией как задержание на основании подозрения в административном правонарушении, Суд отмечает, что в течение этого периода с первым

заявителем обращались как с подозреваемым в уголовном преступлении – убийстве г-жи И. Он был допрошен следователем в связи с этим убийством и признался в его совершении, после чего милиция провела обыски в квартирах по месту его регистрации и фактическому месту жительства ([см. пункты 35-38 выше](#)). Обращая внимание не на формальности, а на реальную ситуацию, Суд считает, что административное задержание заявителя было на самом деле частью его содержания под стражей в соответствии со статьей 5 § 1(с) в качестве подозреваемого в убийстве, однако без обеспечения ему процессуальных прав в качестве подозреваемого, в частности, права на защиту (*см. Kafkaris v. Cyprus* [GC], no. 21906/04, § 116, ECHR 2008-..., и *Doronin v. Ukraine*, no. 16505/02, § 55-56, 19 February 2009). В деле *Doronin*, упомянутом выше (§ 56), Суд признал такое поведение властей несовместимым с принципом правовой определенности и произвольным, идущим вразрез с принципом верховенства права. Этот вывод даже более справедлив в данном случае, где, в отличие от дела *Doronin*, не было никакого судебного решения в отношении административного задержания заявителя, и подозрения в совершении правонарушения, связанного с наркотиками, перестали существовать даже формально 22 мая 2004 года, хотя заявитель провел еще один день в административном задержании ([см. пункты 11-12 и 129 выше](#)).

179. Суд далее отмечает, что с 23 по 26 мая 2004 года первый заявитель содержался под стражей по постановлению следователя по подозрению в разбое и убийстве ([см. пункты 39-40 выше](#)). Основное разногласие между сторонами по этому вопросу касается соответствия этого срока содержания под стражей национальному законодательству.

180. Суд повторяет, что выражения «законный» и «в порядке, установленном законом» в статье 5 § 1 по существу отсылают национальному законодательству и предусматривают обязательство соблюдать его материальные и процессуальные нормы. Хотя толкование и применение внутреннего законодательства является, в первую очередь, задачей национальных властей, в частности судов, несоблюдение внутреннего законодательства, в соответствии со статьей 5 § 1, влечет за собой нарушение Конвенции, и Суд может и должен решить, был ли соблюден этот закон (*см.*, среди прочего, *Benham v. the United Kingdom*, 10 June 1996, § 41, *Reports* 1996-III, и *Assanidze v. Georgia* [GC], no. 71503/01, § 171, ECHR 2004-II).

181. Суд отмечает, что, согласно украинскому законодательству, лишение свободы без мотивированного решения суда возможно только в ограниченном перечне случаев, определенных с достаточной точностью. Так, статья 29 Конституции допускает применение такой меры на срок не более трех дней, и только в случае неотложной необходимости предотвратить или пресечь преступление ([см. пункт 121 выше](#)). Согласно дальнейшим указаниям в статьях 106 и 115 УПК

([см. ссылку в пункте 130 выше](#)), следователь может задержать человека, если последний был застигнут на месте преступления, был опознан как правонарушитель очевидцами/потерпевшим, или же имеет явные следы преступления на своем теле или одежде. Принимая во внимание заранее подготовленную и стандартную формулировку причин задержания первого заявителя, в которой даже не была упомянута ни одна из этих юридически предусмотренных предпосылок для задержания ([см. пункт 39 выше](#)), а также отмечая, что к тому времени заявитель был официально задержан как подозреваемый в уголовном преступлении и уже содержался под стражей без судебной санкции в течение трех дней, Суд считает, что лишение его свободы следователем с 23 по 26 мая 2004 года было нарушением национальных правовых гарантий и, следовательно, незаконным в значении Конвенции.

182. Таким образом, Суд делает вывод, что была нарушена статья 5 § 1 Конвенции в отношении содержания под стражей первого заявителя с 20 по 26 мая 2004 года.

(b) С 14 октября 2004 года по 5 мая 2005 года и с 21 марта по 31 августа 2007 года

183. Первый заявитель утверждал, что в эти периоды он содержался под стражей на основании постановлений Хмельницкого городского суда и Тернопольского суда от 14 октября 2004 года и 21 марта 2007 года соответственно, принятых в ходе предварительных слушаний, и что в обоих случаях в решениях не указывались никакие мотивы или сроки его задержания.

184. Правительство утверждало, что в предварительных слушаниях суды первой инстанции были обязаны, в соответствии с внутренним законодательством, изучить вопрос о целесообразности меры пресечения, и что в данном случае нет никаких оснований утверждать, что они не выполнили это обязательство.

185. Суд отмечает, что украинское законодательство на тот момент не требовало от национальных судов указывать мотивы для изменения меры пресечения или для продолжения содержания под стражей обвиняемого, либо устанавливать срок при продолжении содержания под стражей ([см. пункт 137 выше](#)).

186. Суд отмечает, что эти два периода содержания первого заявителя под стражей были основаны на решениях, принятых в ходе предварительных слушаний в Хмельницком городском суде и Тернопольском суде 14 октября 2004 и 21 марта 2007 года соответственно. Предоставленные Суду материалы дела содержат только второе из упомянутых постановлений ([см. пункты 59 и 106 выше](#)). Суд отмечает, что в имеющемся постановлении не приведены никакие основания для содержания под стражей первого заявителя и

не установлен срок содержания под стражей. Учитывая применимое национальное законодательство (см. [пункты 130](#) и [137 выше](#)), и в отсутствие каких-либо доказательств обратного, Суд делает вывод, что во втором из этих постановлений вопрос о задержании первого заявителя решен таким же образом.

187. Суд считает, что отсутствие четких положений, может ли, и если да, то при каких условиях, содержание под стражей, избранное на ограниченный срок на досудебной стадии, быть продлено на стадии судебного разбирательства, не удовлетворяет критерию «предсказуемости закона» для целей статьи 5 § 1 (см. *Baranowski v. Poland*, no. 28358/95, § 55, ECHR 2000-III).

188. Суд уже признавал нарушение статьи 5 § 1 Конвенции во многих случаях, когда украинские суды продлевали содержание под стражей на неопределенное время и без объяснения причин (см., например, *Yeloyev v. Ukraine*, no. 17283/02, §§ 52-55, 6 November 2008; *Solovey and Zozulya v. Ukraine*, nos. 40774/02 and 4048/03, § 59, 27 November 2008; и [Doronin, упомянутое выше, § 59, 19 February 2009](#)). Кроме того, Суд пришел к выводу, что эта проблема постоянно возникает в делах против Украины вследствие законодательных пробелов (см. [Kharchenko v. Ukraine, no. 40107/02, § 98, 10 February 2011](#), решение не окончательное).

189. Таким образом, Суд делает вывод, что эти два периода содержания первого заявителя под стражей составляли нарушение статьи 5 § 1 Конвенции.

(с) С 22 по 23 ноября 2006 года

190. Заявитель подтвердил свои аргументы в отношении его содержания под стражей без мотивированного решения суда с 23 по 26 мая 2004 года, как в равной степени применимые к его содержанию под стражей с 22 по 23 ноября 2006 года ([см. пункт 173 выше](#)).

191. Правительство не согласилось, подчеркнув, что прокурор пересмотрел задержания заявителя следователем, принял решение в пользу заявителя и освободил его.

192. Ссылаясь на свои выводы в пункте [181 выше](#), Суд считает, что содержание заявителя под стражей с 22 по 23 ноября 2006 года противоречило внутреннему законодательству и, следовательно, нарушило принцип законности, закрепленный в статье 5 § 1 Конвенции.

193. Соответственно, Суд признает нарушение статьи 5 § 1 Конвенции и в отношении этого периода лишения заявителя свободы.

(d) С 18 по 21 декабря 2006 года

194. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей с 18 по 21 декабря 2006 года ([см. пункт 98 выше](#)) было произвольным.

195. Правительство утверждает, что первый заявитель был заключен под стражу по решению суда в соответствии с положениями о мерах пресечения в рамках уголовного судопроизводства.

196. Суд отмечает, что для того, чтобы лишение свободы было законным в значении статьи 5 § 1 Конвенции, недостаточно, чтобы эта мера соответствовала национальному законодательству, она должна также быть необходимой в конкретных обстоятельствах (см. *Nešťák v. Slovakia*, no. 65559/01, § 74, 27 February 2007; и [Khayredinov v. Ukraine, no. 38717/04, §§ 27-28, 14 October 2010](#)).

197. Что касается настоящего дела, Суд отмечает, что 18 декабря 2006 года Хмельницкий городской суд принял решение об изменении меры пресечения с подписки о невыезде на содержание под стражей, по следующим трем причинам: тяжесть обвинений, риск побега и риск влияния на свидетелей (см. пункт 98 выше). Ни одна из этих причин не представляется убедительной. Тяжесть обвинений существенно не изменилась, так как 30 ноября 2006 года преступления, в которых подозревался заявитель, были всего лишь переквалифицированы, без выявления каких-либо новых фактов или обстоятельств. Что касается риска побега, ни прокурор, ни суд не указали никаких примеров поведения заявителя, когда он находился под подпиской о невыезде, которые бы подтверждали такой риск. Наконец, опасения свидетелей за их безопасность, по-видимому, ограничивались их впечатлением, что их якобы кто-то преследует, и не были основаны на каких-либо доказательствах причастности к этому первого заявителя (см. пункт 99 выше). С другой стороны, суды не рассмотрели доводы заявителя в пользу его освобождения до суда (такие, как плохое состояние здоровья, а также семейная и личная ситуация), которые подтверждались документальными доказательствами.

198. В свете вышеизложенного, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела национальные власти не смогли убедительно мотивировать содержание первого заявителя под стражей в период с 18 по 21 декабря 2006 года, поэтому содержание под стражей в этот период было произвольным.

199. Соответственно, Суд считает, что здесь также была нарушена статья 5 § 1 Конвенции.

(е) С 23 февраля по 21 марта 2007 года

200. Первый заявитель утверждал, что его содержание под стражей в течение этого периода не было санкционировано никаким решением, и поэтому было незаконным.

201. Правительство не согласилось, отметив, что оспариваемое содержание под стражей соответствовало внутреннему законодательству.

202. Суд отмечает, что в указанный период, который действительно, как представляется, не был санкционирован никаким решением, досудебное следствие по делу заявителя было объявлено завершенным, и дело было направлено прокуратурой в суд, а затем передано в другой суд ([см. пункты 103-106 выше](#)).

203. Суд отмечает, что в то время как соответствующие положения внутреннего законодательства регулируют процессуальные действия при передаче дела в суд, они не устанавливают четкие правила относительно того, какой орган, на каких основаниях и на какой срок может продлить содержание обвиняемого под стражей (*см. Solovey and Zozulya*, упомянутое выше, § 72).

204. Суд уже рассматривал и признавал нарушение статьи 5 § 1 Конвенции во многих делах, касающихся практики заключения обвиняемых под стражу только на основании того, что обвинительное заключение было передано в суд первой инстанции. Суд констатировал, что практика содержания обвиняемых под стражей без конкретной правовой базы или четких правил, регулирующих их положение – в результате чего они могут быть лишены свободы на неопределенный срок без судебной санкции – несовместима с принципами правовой определенности и защиты от произвола, которые являются общей идеей всей Конвенции, а также принципа верховенства права (*см.*, например, *Yeloyev*, упомянутое выше, §§ 50-51, с дальнейшими ссылками). Эта проблема, которая, как было признано, имеет структурный характер в Украине ([см. Kharchenko, упомянутое выше, §§ 98 и 101](#)), проявляется также в данном случае.

205. Таким образом, Суд делает вывод, что содержание заявителя под стражей в течение этого периода не соответствовало статье 5 § 1 Конвенции, и признает нарушение этого положения.

2. Статья 5 § 2 Конвенции

206. Заявитель утверждал, что ему не сообщили об основаниях для его задержания 20 мая 2004 года в течение нескольких часов, а составленный впоследствии протокол об административном задержании ограничивался лишь ссылками на правовые положения, которые ни о чем ему не говорили. Наконец, заявитель утверждал, что его административное задержание было основано на надуманных основаниях и на самом деле было предлогом для его допроса в качестве подозреваемого в убийстве.

207. Правительство не согласилось. Они отметили, что заявитель был задержан по подозрению в незаконном хранении наркотиков и что протокол, составленный милицией в этой связи, был достаточно ясным.

208. Суд повторяет, что статья 5 § 2 Конвенции содержит элементарные гарантии, что любое задержанное лицо должно знать,

причину лишения его свободы. В силу этого положения любому задержанному должны быть разъяснены, простым и понятным ему языком, юридические и фактические основания для его задержания, чтобы задержанный мог, если он считает нужным, обратиться в суд и оспорить законность задержания (см. *Fox, Campbell and Hartley*, упомянутое выше, § 40).

209. В отношении настоящего дела, Суд уже установил, в контексте рассмотрения жалоб первого заявителя по статье 5 § 1 Конвенции, что во время задержания заявителя 20 мая 2004 года подозрения против него не были четко сформулированы, и что он рассматривался как подозреваемый в деле об убийстве, будучи официально задержанным по подозрению в административном правонарушении (см. [пункты 177-178 выше](#)). Кроме того, Суд отмечает, что в милицейском протоколе об административном задержании первого заявителя лишь упоминались правовые положения, на которых было основано задержание, и нет никаких признаков того, что более полная информация была предоставлена заявителю устно (факты [см. в пункте 9 выше](#); дела, в которых Суд признавал простое упоминание правовых положений в качестве оснований для задержания недостаточным для целей статьи 5 § 2 Конвенции, см. *Fox, Campbell and Hartley*, упомянутое выше, § 41).

210. При данных обстоятельствах не заметно, чтобы первый заявитель был осведомлен о фактических и правовых основаниях для его задержания. Напротив, он явно пребывал в состоянии неопределенности и недоумения относительно того, почему он был лишен свободы 20 мая 2004 года.

211. Следовательно, в данном случае была нарушена статья 5 § 2 Конвенции.

3. Статья 5 § 3 Конвенции

(а) Право быть незамедлительно доставленным к судье

212. Первый заявитель утверждал, что шестидневная задержка с его доставлением к судье после задержания 20 мая 2004 года была несовместима с вышеупомянутым правом.

213. Правительство подчеркнуло, что 20 мая 2004 года заявитель был задержан по подозрению в административном правонарушении и правовая процедура для этого типа задержания не требует доставления задержанного к судье.

214. Суд повторяет, что незамедлительный судебный контроль является одним из основных элементов гарантий, закрепленных в статье 5 § 3, цель которой состоит в том, чтобы минимизировать риск произвола и обеспечить верховенство права – один из основополагающих принципов демократического общества

(см. *Brogan and Others v. the United Kingdom*, 29 November 1988, § 58, Series A no. 145-B). Хотя незамедлительность должна оцениваться в каждом конкретном деле в зависимости от его особенностей (см., среди прочего, *Aquilina v. Malta* [GC], no. 25642/94, § 48, ECHR 1999-III), жесткие временные ограничения, налагаемые статьей 5 § 3, не позволяют слишком гибко интерпретировать это требование; в противном случае это бы серьезно ослабило процедурные гарантии и повлекло риск нанесения ущерба самой сути права, защищаемого этим положением (см. *McKay v. the United Kingdom* [GC], no. 543/03, § 33, ECHR 2006-X).

215. В данном случае, Суд, в свете своих выводов в [пунктах 177-179](#) и [182 выше](#), считает, что содержание первого заявителя под стражей в значении статьи 5 § 1(с) Конвенции началось 20 мая 2004 года и не стало предметом судебного надзора до 26 мая 2004 года. Эта задержка не имела никаких объективных оснований. Кроме того, Суд установил, что в указанный период первый заявитель содержался под стражей незаконно и подвергался очень жестокому обращению со стороны милиции (см. пункты [154](#), [159](#) и [182](#) выше). Незамедлительный судебный надзор мог бы предотвратить случившееся, но это было сделано только через шесть дней, – срок, который Суд считает недопустимо долгим.

216. Таким образом, Суд признает нарушение статьи 5 § 3 Конвенции в отношении права первого заявителя быть незамедлительно доставленным к судье.

(b) Право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда

217. Первый заявитель утверждал, что общая продолжительность его предварительного заключения, с 20 мая 2004 года по 5 мая 2005 года и с 18 декабря 2006 года по 31 августа 2007 года, была необоснованной.

218. Правительство считает, что административное задержание первого заявителя с 20 по 23 мая 2004 года должно быть исключено из периода, подлежащего рассмотрению в рамках статьи 5 § 3 Конвенции (с 23 мая 2004 года по 5 мая 2005 года). По мнению Правительства, продолжительность этого периода не была необоснованной, учитывая тяжесть обвинений, выдвинутых против заявителя, сложность дела, объем следственной работы и тщательность, проявленную следственными органами и судом первой инстанции. Они также отметили, что в течение указанного срока первый заявитель ни разу не ходатайствовал об изменении меры пресечения. Что касается содержания заявителя под стражей с 18 декабря 2006 года по 31 августа 2007 года, Правительство утверждало, что, с одной стороны, оно базировалось на надлежащих и достаточных основаниях,

и, с другой стороны, компетентные органы работали над делом с должным усердием.

219. Суд повторяет, что вопрос о разумности срока содержания под стражей не может оцениваться абстрактно. Вопрос, разумно ли оставлять обвиняемого под стражей, должен оцениваться в каждом конкретном случае в соответствии с его особенностями. Продление срока содержания под стражей может быть оправдано, только если имеются четкие признаки подлинного общественного интереса, который, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает право на свободу (см. дело *Ječius v. Lithuania*, no. 34578/97, § 93, ECHR 2000-IX)). Наличие обоснованных подозрений, что задержанный совершил преступление, является необходимым условием для содержания под стражей. Однако по истечении определенного времени подозрение само по себе не оправдывает лишение свободы, и судебные органы должны привести другие основания для дальнейшего содержания под стражей (см. *Jabłoński v. Poland*, no. 33492/96, § 80, 21 December 2000). Эти основания, кроме того, должны быть упомянуты в решениях национальных судов, и аргументы за и против освобождения не должны быть «общими и абстрактными» (см. *Howiecki v. Poland*, no. 27504/95, § 61, 4 October 2001, и *Smirnova v. Russia*, nos. 46133/99 and 48183/99, § 63, ECHR 2003-IX).

220. Учитывая эти соображения и свои выводы в пунктах [172-205 выше](#), Суд считает, что следует принимать во внимание периоды с 20 мая 2004 года по 5 мая 2005 года и с 18 декабря 2006 года по 31 августа 2007 года, которые составили, в общей сложности, один год и восемь месяцев (см., для иллюстрации расчета, *Isayev v. Russia*, no. 20756/04, § 144, 22 October 2009).

221. Суд отмечает, что статья 5 § 3 Конвенции составляет единое целое со статьей 5 § 1(с), и эти два положения следует рассматривать в сочетании друг с другом (см. *Smirnova*, упомянутое выше, § 56, и *Ciulla v. Italy*, 22 February 1989, § 38, Series A no. 148). В данном случае, Суд уже рассматривал отдельные периоды содержания под стражей первого заявителя с точки зрения статьи 5 § 1(с) Конвенции, а именно: периоды с 14 октября 2004 года по 5 мая 2005 года и с 21 марта по 31 августа 2007 года, основанные на судебных решениях без указания причин или установленных сроков содержания под стражей, что, в свою очередь, не противоречило национальному законодательству; повторное заключение заявителя под стражу 18 декабря 2006 года без должного обоснования; и содержание под стражей с 23 февраля по 21 марта 2007 года, не санкционированное никаким решением (см. пункты [189](#), [199](#) и [205](#) выше, соответственно).

222. В дополнение к своим вышеупомянутым выводам по статье 5 § 1 (с), Суд оценит, можно ли считать содержание первого заявителя под стражей разумным по смыслу статьи 5 § 3 Конвенции.

223. Суд отмечает, что в отношении первого периода (с 20 мая 2004 года по 5 мая 2005 года) Хмельницкий городской суд в своих решениях от 26 мая и 20 июля 2004 года санкционировал дальнейшее содержание первого заявителя под стражей, ссылаясь, в общем и абстрактно, на тяжесть выдвинутых против него обвинений и неотъемлемый риск его побега или препятствования расследованию в случае освобождения. Хмельницкий городской суд не рассматривал личность заявителя или какие-либо другие конкретные факты, касающиеся его ситуации, которые могли бы подтвердить или, напротив, развеять эти опасения.

224. Что касается второго рассматриваемого периода (с 18 декабря 2006 года по 31 августа 2007 года), из материалов национального процесса, имеющих в распоряжении Суда, видно, что в этот период украинские суды продлевали предварительное заключение заявителя два раза – в декабре 2006 года и в январе 2007 года (точные даты в имеющихся копиях неразборчивы). Суд считает недостаточными основания, представленные национальными судами для повторного задержания первого заявителя 18 декабря 2006 года ([см. пункты 198-199 выше](#)). Кроме того, Суд отмечает, что их аргументы для продолжения его содержания под стражей после этой даты не удовлетворяют требованиям статьи 5 § 3 Конвенции.

225. Таким образом, Суд делает вывод, что была нарушена статья 5 § 3 Конвенции в связи с недостаточностью оснований для дальнейшего содержания первого заявителя под стражей в течение вышеупомянутых периодов.

4. *Статья 5 § 5 Конвенции*

226. Первый заявитель утверждал, что он не имел права на возмещение в отношении заявленных нарушений статьи 5.

227. Правительство утверждало, что, в отсутствие решения национальных судов, подтверждающего незаконность содержания заявителя под стражей, его требование о возмещении убытков было необоснованным.

228. Суд повторяет, что статья 5 § 5 гарантирует право на возмещение лицам, ставшим жертвами ареста или задержания в нарушение других положений статьи 5 (см. *Steel and Others v. the United Kingdom*, 23 September 1998, § 81, *Reports* 1998-VII).

229. В данном случае Суд установил несколько нарушений статьи 5 § 1, в сочетании с которой будет рассматриваться настоящая жалоба (см. пункты [182](#), [189](#), [193](#), [199](#) и [205](#), а также [пункт 169](#), выше). Следовательно, статья 5 § 5 Конвенции применима в данном случае. Суд должен установить, имел ли, или имеет ли в настоящее время первый заявитель право на возмещение за нарушение статьи 5 § 1 Конвенции.

230. Суд отмечает, что он признал нарушения статьи 5 § 1 в связи с содержанием под стражей первого заявителя с 20 по 26 мая 2004 года; с 14 октября 2004 года по 5 мая 2005 года; с 22 по 23 ноября 2006 года; после его повторного задержания с 18 по 21 декабря 2006 года; а также с его содержанием под стражей с 23 февраля по 31 августа 2007 года (см. ссылки в пункте 229 выше).

231. Суд отмечает, что вопрос о возмещении за незаконное задержание регулируется в Украине Законом «О порядке возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» («Закон о возмещении» – [см. пункты 140-141 выше](#)). До внесения поправок от 1 декабря 2005 года, этот закон предусматривал возмещение за незаконное содержание под стражей только в случае окончательного оправдания задержанного или прекращения уголовного дела против него по реабилитирующим основаниям. После внесения поправок, такое возмещение стало также возможным при признании судом незаконности задержания.

232. Суд отмечает, что во время первого периода содержания заявителя под стражей, признанного незаконным (с 20 по 26 мая 2004 года), Закон о возмещении был бы применим к его ситуации, только если бы обвинения против него были сняты. Что касается периодов его содержания под стражей с 14 октября 2004 года по 5 мая 2005 года, с 23 февраля по 31 августа 2007 года и после его повторного задержания 18 декабря 2006 года, они не противоречили внутреннему законодательству, и поэтому первый заявитель не имел никаких шансов на то, что украинские суды признают их незаконными. Наконец, что касается содержания заявителя под стражей с 22 по 23 ноября 2006 года, суды признали его законным, тем самым лишив заявителя оснований для требования возмещения в этой связи.

233. Таким образом, в случае первого заявителя Закон о возмещении не предусматривал право на возмещение. Как представляется, это право не предусматривалось также никакими другими положениями украинского законодательства, с учетом отсутствия какой-либо юридической процедуры требования возмещения за лишение свободы, признанное незаконным Страсбургским судом.

234. Суд пришел к выводу, что первый заявитель не имел права на возмещение за незаконное содержание под стражей, как того требует статья 5 § 5 Конвенции. Следовательно, это положение было нарушено.

III. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

235. Первый заявитель также подал ряд жалоб в соответствии со статьей 5 § 4 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. Аргументы сторон

236. Первый заявитель отрицал, что он имел доступ к какой-либо эффективной процедуре судебного пересмотра законности его задержания. Он утверждал, что была нарушена статья 5 § 4 Конвенции на следующих основаниях: (а) процессуальная несправедливость судебного разбирательства 18 декабря 2006 года, после которого он был заключен под стражу вместо имевшей место ранее подписки о невыезде (а именно, несвоевременный доступ к ходатайству прокурора и другим материалам дела, необходимым для его защиты); (б) те же вопросы касательно разбирательства 21 декабря 2006 года, причем ситуация усугубилась тем, что это разбирательство проводилось в отсутствие первого заявителя; (с) отсутствие какой-либо возможности для первого заявителя добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей во время предварительного следствия и (г) отсутствие каких-либо юридически закрепленных гарантий оперативного судебного пересмотра законности его досудебного содержания под стражей в ходе судебного разбирательства.

237. Правительство не согласилось. Они отметили, что заявитель имел возможность обжаловать судебные решения о его содержании под стражей до суда, но что ни он, ни его адвокат не сделали этого. Кроме того, никто не ограничивал право первого заявителя подавать ходатайства об освобождении в ходе судебного разбирательства, но он не сделал этого по неизвестным причинам. Правительство также утверждает, что суды обеспечили адекватный судебный надзор за законностью содержания под стражей первого заявителя, когда они обязаны были сделать это в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (в частности, в ходе предварительных слушаний и при рассмотрении представления прокурора о продлении содержания под стражей).

238. В своих замечаниях в ответ на возражения Правительства, первый заявитель также утверждал, что в тех случаях, когда национальные суды рассматривали вопрос о законности его

задержания после представления прокурора, они не провели никакой оценки аргументов в пользу его освобождения.

В. Оценка Суда

1. Общие принципы

239. Суд повторяет, что целью статьи 5 § 4 является обеспечение права арестованных и задержанных лиц на судебный надзор за законностью применяемых к ним мер пресечения (см., *mutatis mutandis*, *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*, 18 June 1971, § 76, Series A no. 12, и *Ismoilov and Others v. Russia*, no. 2947/06, § 145, 24 April 2008). Во время задержания лица ему должны быть доступны средства правовой защиты, позволяющие ему добиться скорейшего судебного пересмотра законности содержания под стражей, который способен привести, в случае необходимости, к его освобождению. Доступность средств правовой защиты предполагает, в частности, что обстоятельства, добровольно созданные государственными органами, должны предоставить заявителям реальную возможность использовать эти средства правовой защиты (см., *mutatis mutandis*, *Čonka v. Belgium*, no. 51564/99, §§ 46 and 55, ECHR 2002-I).

240. Требование справедливости судебного разбирательства в соответствии со статьей 5 § 4 не предусматривает единый и неизменный стандарт, который должен применяться независимо от контекста дела, его фактов и обстоятельств. Хотя не всегда существует необходимость, чтобы в процедуре, предусматриваемой статьей 5 § 4, соблюдались те же гарантии, что требуются в соответствии со статьей 6 для уголовного или гражданского судопроизводства, эта процедура должна иметь судебный характер и предоставлять гарантии, соответствующие конкретному виду лишения свободы (см. *A. and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 3455/05, § 203, ECHR 2009-..., с дальнейшими ссылками). Право задержанного быть заслушанным либо лично, либо через своих представителей, является одной из основных гарантий процедуры, применяемой в случаях лишения свободы (см. *Kampanis v. Greece*, 13 July 1995, § 47, Series A no. 318-B). Кроме того, хотя Конвенция не обязывает Договаривающиеся государства устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения правомерности содержания под стражей, государства, в которых существует такая система, должны, в принципе, обеспечивать задержанным такие же гарантии права на обжалования, что и в первой инстанции (см., например, *Navarra v. France*, 23 November 1993, § 28, Series A no. 273-B).

241. Наконец, Суд подчеркивает, что вопрос, соблюдено ли право, предусмотренное статьей 5 § 4, должен решаться с учетом

обстоятельств каждого дела (см. *Rehbock v. Slovenia*, по. 29462/95, § 84, ECHR 2000-XII).

2. Применение в данном случае

242. Суд рассмотрит жалобы первого заявителя в порядке, в каком они представлены в его заявлении.

(а) Заявленная несправедливость судебного разбирательства 18 декабря 2006 года

243. Суд отмечает, что эта жалоба касается следующих двух аспектов: во-первых, судебного пересмотра содержания под стражей первого заявителя с 22 по 23 ноября 2006 года, который состоялся в ходе судебного разбирательства, и, во-вторых, его повторного заключения под стражу. В отношении первого аспекта, Суд отмечает, что, поскольку целью средства правовой защиты, требуемого статьей 5 § 4, является содействие освобождению задержанного лица (см. пункт 239 выше), оно было уже неприменимо в ситуации заявителя после его освобождения 23 ноября 2006 года до судебного пересмотра (см. *Fox, Campbell and Hartley*, упомянутое выше, § 45). В отношении второго из упомянутых аспектов, Суд отмечает, что судебный пересмотр, которого касается жалоба, был присоединен к вопросу о первоначальном предварительном заключении заявителя под стражу 18 декабря 2006 года, который Суд уже рассмотрел с точки зрения статьи 5 § 1 Конвенции (см. [пункт 194-199 выше](#)). В любом случае, Суд отмечает, что заявитель не подал в апелляционный суд жалобу об отсутствии своевременного доступа к материалам дела, что является его основным аргументом в пользу утверждения о процессуальной несправедливости (см. также пункт 244 ниже). Соответственно, нельзя считать, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты, и эта часть жалобы должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

(б) Заявленная несправедливость судебного разбирательства 21 декабря 2006 года

244. Что касается жалобы первого заявителя о процессуальной несправедливости судебного разбирательства в Хмельницком областном суде 21 декабря 2006 года, Суд отмечает, что это разбирательство имело апелляционный характер в отношении решения Хмельницкого городского суда от 18 декабря 2006. Что касается утверждения заявителя об ограничении возможностей защиты изучить материалы дела, Суд отмечает, что, хотя заявитель подал в Суд те же жалобы относительно разбирательства в первой инстанции, ни он, ни его представители не упомянули эту проблему в своих апелляциях против постановления от 18 декабря 2006 года (см. [пункты 99](#) и 243

выше). Таким образом, Суд считает эти жалобы необоснованными. Что касается рассмотрения дела Хмельницким областным судом в отсутствие первого заявителя, Суд отмечает, что, в принципе, рассмотрение апелляционным судом решения суда низшей инстанции о содержании под стражей в присутствии только адвоката задержанного, допускается при условии наличия достаточных процессуальных гарантий в ходе слушания в суде первой инстанции (см. *Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 114, 25 October 2007). Учитывая то, что первый заявитель лично участвовал в рассмотрении дела в суде первой инстанции 18 декабря 2006 года (см. [пункт 98 выше](#)), и то, что он не выдвигал никаких аргументов относительно необходимости его личного присутствия в судебном заседании на апелляционном уровне, Суд считает, что его отсутствие на судебном заседании не было несовместимым со статьей 5 § 4.

245. Таким образом, Суд отклоняет эту жалобу как явно необоснованную в соответствии со статьей 35 §§ 3 (a) и 4 Конвенции.

(c) Заявленная невозможность для первого заявителя добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей

246. Суд отмечает, что первый заявитель не представил какой-либо информации или документов, подтверждающих, что он обжаловал судебные решения о его заключении под стражу и о продлении срока его содержания под стражей от 26 мая и 20 июля 2004 года, соответственно, хотя такая возможность была предусмотрена национальным законодательством (см. дело, упомянутое [в пункте 130 выше](#)). Суд не может рассматривать *in abstracto* вопрос о качестве и безотлагательности судебного пересмотра, о котором заявитель не просил, и который, следовательно, не был проведен (см. *Shalimov v. Ukraine*, no. 20808/02, § 57, 4 March 2010).

247. Следовательно, данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3(a) и 4 Конвенции.

(d) Заявленная невозможность для первого заявителя добиться оперативного судебного пересмотра законности его заключения во время судебного разбирательства

248. Суд отмечает, что, действительно, на этой стадии разбирательства судебный пересмотр содержания первого заявителя под стражей (которое считалось предварительным до принятия судом решения по существу дела) зависел от графика слушаний по этому делу, поскольку Уголовно-процессуальный кодекс не проводит различия между ходатайствами об освобождении и любыми другими ходатайствами, рассматриваемыми в ходе судебных слушаний. Суд уже рассмотрел этот вопрос в ряде других дел против Украины и

нашел, что эта проблема возникает регулярно из-за отсутствия четких и прогнозируемых положений, регулирующих, на стадии судебного разбирательства, процедуру, совместимую с требованиями статьи 5 § 4 Конвенции (см. *Molodorych v. Ukraine*, упомянутое выше, § 108; и *Kharchenko v. Ukraine*, упомянутое выше, § 86).

249. Следовательно, в данном случае была нарушена статья 5 § 4 Конвенции.

IV. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 6 §§ 1 И 3(С) КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ПРАВОМ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ НЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ПРОТИВ САМОГО СЕБЯ И ЕГО ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ

250. Первый заявитель жаловался, что он был осужден на основании признаний, данных под пытками, и не имел доступа к адвокату во время нахождения под стражей в милиции. Он сослался на статью 6 §§ 1 и 3(с) Конвенции, которая, в частности, предусматривает:

«Каждый... и предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: ...

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника...»

A. Приемлемость

251. Правительство утверждало, что данные жалобы касаются признательных показаний первого заявителя, данных до возбуждения против него уголовного дела, и поэтому они несовместимы *ratione materiae* со статьей 6 § 1 Конвенции.

252. Первый заявитель утверждал, что в то время, когда он дал признательные показания, он фактически был подозреваемым в уголовном преступлении, и поэтому имел право на защиту, гарантированное статьей 6 § 1.

253. Суд отмечает, что время, с которого статья 6 применяется в уголовных делах, зависит от обстоятельств дела. Поскольку право на справедливое судебное разбирательство имеет большое значение в демократическом обществе, Суд предпочитает использовать «существенное», а не «формальное» понятие «обвинения», предусмотренное статьей 6 § 1 (см. *Šubinski v. Slovenia*, no. 19611/04, § 62, 18 January 2007).

254. Что касается настоящего дела, Суд уже согласился с вышеупомянутым утверждением первого заявителя при рассмотрении его жалобы по статье 5 § 1 ([см. пункт 178 выше](#)). Поэтому Суд заключает, что статья 6 § 1 Конвенции применима к нему с момента его задержания милицией 20 мая 2004 года.

255. Таким образом, Суд отклоняет возражения Правительства. Кроме того, Суд отмечает, что эти жалобы не являются откровенно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3(а) Конвенции или неприемлемыми по любым другим признакам. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

256. Первый заявитель утверждал, что его заставили признаться в попытке ограбления и убийстве г-жи И. в отсутствие какой-либо правовой помощи. Он подчеркнул серьезность и степень использованных методов принуждения, считая, что их можно приравнять к пыткам, и отметил, что данные признания имели значительную доказательную ценность при его осуждении. Первый заявитель подчеркнул, что его юридическое представительство было обязательным в соответствии с национальным законодательством с момента его задержания, учитывая возможность пожизненного заключения. Кроме того, он утверждал, что нанятый адвокат не имел постоянного доступа к нему и он продолжал опасаться жестокого обращения со стороны милиции даже после того, как ему было обеспечено юридическое представительство.

257. Правительство не согласилось. Они утверждали, что первый заявитель допрашивался в присутствии адвоката 23 мая 2004 года – с его первого допроса в качестве подозреваемого по уголовному делу – и в дальнейшем, в то время как его более ранние признания не были решающими при судебном разбирательстве его дела. Правительство подчеркнуло, что вопрос о допустимости доказательств, в первую очередь, должен решаться национальным законом, и что заявитель имел возможность оспорить показания против него в состязательном процессе, пользуясь помощью адвоката. Они отметили, что жалобы заявителя в этой связи были должным образом проверены национальными судами в ходе его судебного разбирательства, и отклонены как необоснованные.

2. Оценка Суда

(а) Право не свидетельствовать против себя

258. В отношении использования доказательств, полученных в нарушение права на молчание и права не свидетельствовать против себя, Суд отмечает, что это – общепризнанные международные стандарты, лежащие в основе понятия справедливого судебного разбирательства в значении статьи 6 Конвенции. Их суть состоит, в частности, в защите обвиняемого от незаконного давления со стороны властей, что помогает избежать судебных ошибок и обеспечить соблюдение статьи 6. Право не свидетельствовать против себя, в частности, предполагает, что обвинение в уголовном деле должно доказать свое обвинение против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным с использованием методов принуждения или давления (см. *Saunders v. the United Kingdom*, 17 December 1996, § 68, *Reports* 1996-VI).

259. Хотя рассмотрение вопроса о допустимости доказательств является, в принципе, прерогативой национальных судов, а роль этого Суда ограничивается оценкой общей справедливости судебного разбирательства, однако к доказательства, полученные в нарушение статьи 3 Конвенции, стоят особняком. Так, в соответствии с практикой Суда, использование утверждений, полученных в результате пыток, для доказательства соответствующих фактов в уголовном процессе приводит к несправедливости процесса в целом, независимо от их достоверности и значения для вынесения обвинительного приговора ([см. *Gäfgen v. Germany*, упомянутое выше, § 166, с дальнейшими ссылками](#)).

260. Суд установил в данном случае, что первоначальные признания первого заявителя были получены от него путем применения жестокого обращения, приравниваемого к пыткам в значении статьи 3 Конвенции ([см. пункты 154-159 выше](#)). Суд также отмечает, что национальные суды использовали эти признания в качестве доказательств ([см. пункт 109 выше](#)). В свете своей практики, упомянутой выше, Суд считает, что это подрывает саму суть права первого заявителя не свидетельствовать против себя, независимо от значения оспариваемых признаний в доказательственной базе для его осуждения и от того, что он сделал еще несколько признаний в ходе расследования.

261. Соответственно, была нарушена статья 6 § 1 Конвенции в этом отношении.

(b) Право на защиту

262. Суд отмечает, что, хотя и не абсолютное, право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную защиту адвоката, назначенного, при необходимости, официально, является одной из основных черт справедливого судебного разбирательства (см. *Krombach v. France*, no. 29731/96, § 89, ECHR 2001-II). Как правило, доступ к адвокату должен предоставляться с первого допроса подозреваемого полицией, если в свете конкретных обстоятельств каждого дела не доказано, что существуют веские причины для ограничения этого права (см. *Salduz v. Turkey* [GC], no. 36391/02, § 55, 27 November 2008). Право на защиту, в принципе, бесповоротно нарушается, если признательные показания, данные во время допроса без доступа к адвокату, используются для осуждения (там же).

263. Суд последовательно считал ранний доступ к адвокату процессуальной гарантией права не свидетельствовать против себя и фундаментальной гарантией против жестокого обращения, отмечая особую уязвимость обвиняемого на ранней стадии процесса, когда он испытывает стресс и сталкивается со сложными уголовными процедурами. Любые исключения из пользования этим правом должны быть четко предусмотрены, и применение таких исключений должно быть строго ограничено во времени. Эти принципы особенно важны в случае серьезных обвинений, поскольку при перспективе особо тяжкого наказания право на справедливое судебное разбирательство должно быть обеспечено демократическим обществом в максимально возможной степени (см. *Salduz*, упомянутое выше, § 54).

264. Хотя в данном случае неизвестно, когда именно заявитель получил доступ к юридическому представительству, из обстоятельств дела очевидно, что это произошло не ранее 23 мая 2004 года, и это не оспаривается сторонами. Суд отмечает, что, официально задержав заявителя в административном порядке, но на самом деле обращаясь с ним как с подозреваемым в уголовном преступлении, милиция лишила его доступа к адвокату, который был бы обязательным по украинскому законодательству, если бы заявитель обвинялся в убийстве, совершенном группой лиц и/или из корыстных побуждений – преступлении, в связи с которым его фактически допрашивали.

265. Суд отмечает, что первый заявитель неоднократно признавался в разбое и убийстве на первых допросах, когда он не пользовался помощью адвоката, и, несомненно, эти ограничения в доступе к адвокату имели последствия, поскольку его признания были использованы для его осуждения (см. *Salduz*, процитированное выше, § 58). Хотя первый заявитель повторил свое признание в присутствии адвоката, Суд считает, что предыдущее ограничение его права на

защиту не было устранено в ходе судебного разбирательства, и суды не продемонстрировали адекватной реакции на жалобы первого заявителя о жестоком обращении.

266. Кроме того, как признали национальные органы, даже после получения доступа к юридической помощи первый заявитель не имел беспрепятственного доступа к своему нанятому адвокату (см. [пункты 58 и 84 выше](#)).

267. Таким образом, Суд приходит к выводу, что была нарушена статья 6 § 3(с) Конвенции.

V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ В СВЯЗИ С ОБОСНОВАНИЕМ РЕШЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ, КОТОРЫМИ ОН БЫЛ ОСУЖДЕН

268. Первый заявитель жаловался, что обвинительный приговор Тернопольского суда и определение Верховного суда, оставившее в силе это судебное решение, были явно недостаточно обоснованными.

A. Приемлемость

269. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3(а) Конвенции или неприемлемой по любым другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

B. Существо дела

270. Первый заявитель утверждал, что национальные суды не провели оценку обстоятельств, при которых были получены показания г-на К. как ключевого свидетеля обвинения, хотя защита неоднократно ссылалась на конкретные факты и документы, предполагая, что следствие прибегло к принуждению этого свидетеля.

271. Правительство утверждало, что судебные решения относительно первого заявителя были хорошо мотивированными. Они отметили, в частности, что показания свидетеля г-на К. были должным образом оценены и допущены в качестве доказательств. Правительство подчеркнуло, что первый заявитель, который был представлен адвокатом и лично участвовал в судебных разбирательствах в двух инстанциях, имел реальную возможность оспорить эти доказательства.

272. Суд отмечает, что, в соответствии с его практикой, отражающей принцип, связанный с надлежащим отправлением правосудия, в решениях судов и трибуналов должны надлежащим образом указываться мотивы, на которых они основаны. Степень, в которой применяется эта обязанность обоснования, может

варьироваться в зависимости от характера решения и должна определяться в свете обстоятельств конкретного дела (см. *García Ruiz v. Spain* [GC], no. 30544/96, § 26, ECHR 1999-I, с дальнейшими ссылками).

273. Суд также напоминает, что в его обязанность, в соответствии со статьей 19 Конвенции, входит обеспечить соблюдения обязательств, принятых государствами – членами Конвенции. В частности, в его функции не входит исправление фактических или юридических ошибок, предположительно совершенных национальными судами, если они не нарушают права и свободы, защищаемые Конвенцией. Хотя статья 6 гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, она не устанавливает как таковых правил допустимости доказательств, что, в первую очередь, регулируется национальным законом (см. *Schenk v. Switzerland*, 12 July 1988, § 45-46, Series A no. 140, и *Teixeira de Castro v. Portugal*, 9 June 1998, § 34, Reports 1998-IV). В принципе, Суд не обязан решать, могут ли конкретные, например, незаконно полученные, доказательства быть допустимыми или действительно ли виновен заявитель. Суд должен ответить на вопрос, было ли судебное разбирательство справедливым в целом, включая методы, с помощью которых были получены доказательства (*Allan v. the United Kingdom*, no. 48539/99, § 42, ECHR 2002-IX).

274. В этом контексте также следует рассмотреть вопрос, имел ли заявитель возможность оспорить подлинность доказательств и возражать против их использования. Качество доказательств также принимается во внимание, в том числе то, не вызывают ли обстоятельства получения этих доказательств сомнений в их надежности и точности (см. *Jalloh v. Germany* [GC], no. 54810/00, § 96, ECHR 2006-IX).

275. Суд отмечает, что в данном деле при признании первого заявителя виновным, национальные суды опирались на показания г-на К., которого они считали ключевым свидетелем по делу (см. [пункты 63](#) и [81 выше](#)). Первый заявитель утверждал в ходе судебного разбирательства, что г-н К. дал показания против него под давлением со стороны милиции, что сам г-н К. отрицал в суде. На первый взгляд, процедурные гарантии были соблюдены. Однако, с учетом конкретных обстоятельств данного дела, Суд считает, что первый заявитель не имел реальной возможности оспорить доказательное значение этих заявлений.

276. Так, Суд отмечает, что первый заявитель представил конкретные факты и документы, свидетельствующие, что во время допроса следователем г-н К. (таксист без судимостей или иного преступного прошлого, согласно материалам дела) был задержан в административном порядке в связи с правонарушением, связанным

с наркотиками. Как утверждает первый заявитель (и это подтвердил Хмельницкий городской суд в своем решении от 5 мая 2005 года), показания г-на К. изменились в этот конкретный период не в пользу первого заявителя. Заявитель также представил суду аудиозапись своего разговора с г-ном К., в котором тот якобы признался, что он оклеветал первого заявителя под давлением милиции ([см. пункт 112 выше](#)).

277. Суд находит ответы как суда первой инстанции, так и Верховного суда на эти аргументы поразительно скудными и неудовлетворительными. Отклонив как необоснованные утверждения первого заявителя о давлении на свидетеля и отметив, что «данных, которые бы свидетельствовали [об ином], не установлено» ([см. пункты 108 и 114 выше](#)), суды не прокомментировали бесспорный факт административного задержания г-на К. и проигнорировали наличие аудиозаписи, на которую ссылался заявитель, хотя она была приобщена к материалам дела ([см. пункт 112 выше](#)).

278. Для контраста, Суд ссылается на свое решение от 16 марта 2000 года по делу *Camilleri v. Malta* (№ 51760/99), в котором он отклонил как явно необоснованные жалобы заявителя о том, что его обвинение было основано на обвинительных показаниях его сокамерника, так как: во-первых, национальные суды подробно изложили мотивы своего решения о допустимости обличительных показаний этого ключевого свидетеля; во-вторых, было установлено, что эти показания были даны свидетелем по собственной воле; и, наконец, они оставались неизменными на протяжении всего расследования.

279. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что: во-первых, суд решил принять обличительные показания г-на К., проигнорировав конкретные и относящиеся к делу факты, способные поставить под сомнение их надежность и точность; во-вторых, не было достаточно убедительно установлено, что г-н К. дал эти показания добровольно – то, что он настаивал на этом в суде, может свидетельствовать о продолжающемся запугивании; и, наконец, показания г-на К. стали последовательно неблагоприятными для первого заявителя с момента его допроса, совпавшего с его задержанием.

280. В контексте рассмотрения справедливости гражданского судопроизводства Суд уже приходил к выводу, что, проигнорировав конкретные, актуальные и важные аргументы заявителя, национальные суды не выполнили свои обязательства по статье 6 § 1 Конвенции ([см. *Pronina v. Ukraine*, no. 63566/00, § 25, 18 July 2006](#)). Суд отмечает, что в данном случае это требование также не было соблюдено, хотя в рамках уголовного дела оно должно соблюдаться еще более строго.

281. С учетом вышеизложенного, Суд пришел к выводу, что была нарушена статья 6 § 1 Конвенции в этой связи.

VI. ДРУГИЕ ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

282. Первый заявитель жаловался в общем на плохие условия его содержания под стражей в Хмельницком ИВС с 21 мая по 22 июня 2004 года. Ссылаясь на якобы незаконную и необоснованную передачу его дела в Тернопольский суд, он также жаловался, что его дело не было рассмотрено «независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона», как того требует статья 6 § 1 Конвенции. Первый заявитель также жаловался, ссылаясь на то же положение, что продолжительность уголовного разбирательства против него не была разумной. Кроме того, он жаловался, в рамках статьи 6 § 2, что Шепетовский суд и Тернопольский суд нарушили принцип презумпции невиновности в своих решениях от 10 июля и 4 октября 2006 года, *de facto* признав его виновным, в то время как дело было передано для дополнительного расследования. Первый заявитель также жаловался на нарушение статьи 18 Конвенции в отношении его задержаний 22 ноября и 18 декабря 2006 года, утверждая, что их истинной целью была месть со стороны властей за его попытки добиться возбуждения уголовного дела против сотрудников милиции. Наконец, он сослался на статьи 8 и 13 Конвенции без дальнейших уточнений.

283. Однако, в свете всех имеющихся в его распоряжении материалов, и в той мере, в какой данные вопросы находятся в пределах его компетенции, Суд не видит никаких признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в положениях, на которые ссылается заявитель.

284. Следовательно, эта часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

VII. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ВТОРОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

A. Статья 3 Конвенции

285. Вторая заявительница жаловалась, что 21 мая 2004 года она стала жертвой угроз и унижений со стороны милиции, которые представляли собой унижающее достоинство обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, с учетом ее состояния на тот момент (она была на восьмом месяце беременности).

286. Суд повторяет, что, чтобы подпадать под действие статьи 3, обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости

(см. *Ireland v. the United Kingdom*, упомянутое выше, § 162). Оценка этого минимума относительна и зависит от всех обстоятельств дела, таких, как продолжительность обращения, его физические и психологические последствия, а в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы.

287. С учетом всех этих факторов в данном случае, Суд отмечает, что, хотя допрос второй заявительницы в отделении милиции, возможно, вызвал у нее стресс и беспокойство, нельзя сказать, что это они достигли порога, запрещенного статьей 3 Конвенции.

288. Следовательно, эта часть жалобы должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3(a) и 4 Конвенции как явно необоснованная.

В. Статья 5 § 1 Конвенции

289. Вторая заявительница также жаловалась, что 21 мая 2004 года милиция лишила ее свободы примерно на четыре часа в отсутствие каких-либо оснований или гарантий предусмотренных статьей 5 § 1 Конвенции.

290. Суд отмечает, что вторая заявительница не оспорила отказ прокуратуры возбудить уголовное расследование по этому поводу – если в этой связи было принято официальное решение, что не ясно из обстоятельств дела, либо оспорить бездействие органов прокуратуры – если после ее жалобы не было принято никакого решения (применимое законодательство см. в [пунктах 131](#) и [134 выше](#)).

291. Соответственно, Суд считает, что вторая заявительница не исчерпала национальные средства правовой защиты, как того требует статья 35 § 1, и отклоняет эту жалобу в соответствии со статьей 35 § 4 Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

292. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

293. Не найдя нарушений Конвенции или Протоколов к ней в отношении второй заявительницы, Суд отмечает, что статья 41 Конвенции неприменима к ней. Поэтому Суд не рассматривает ее требования о справедливой компенсации.

А. Компенсация вреда первому заявителю

294. Первый заявитель потребовал выплатить ему 80 000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

295. Правительство оспорило это требование.

296. Суд отмечает, что он нашел совокупность нарушений в данном случае и признает, что первому заявителю был нанесен нематериальный вред, который не может быть компенсирован лишь признанием нарушения. Таким образом, Суд считает целесообразным присудить ему 35 000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

297. Кроме того, учитывая выводы Суда в отношении несправедливости национального разбирательства, которое привело к осуждению первого заявителя, и с учетом крайне серьезных обстоятельств данного дела, в том числе того факта, что признания, полученные с нарушением абсолютного запрета на пытки, были допущены в качестве доказательств, Суд считает, что для надлежащей защиты прав человека должно быть проведено повторное судебное разбирательство (возможность которого предусмотрено в украинском законодательстве), если первый заявитель обратится с такой просьбой. При таком судебном разбирательстве должны строго соблюдаться материальные и процессуальные гарантии, закрепленные в статье 6 Конвенции.

В. Компенсация расходов и издержек первому заявителю

1. Юридическое представительство в Суде

298. Первый заявитель потребовал выплатить ему 14 444 евро в качестве компенсации расходов, понесенных им на представительство в Суде адвокатом г-ном Бущенко, в том числе: 12 950 евро для оплаты услуг адвоката из расчета 100 евро в час, 1 036 евро для покрытия административных расходов (включая перевод, ксерокопирование и т. д.) и 458 евро на почтовые расходы. В обоснование этих требований первый заявитель представил договор об оказании юридической помощи от 8 августа 2004 года, который предусматривает, что он будет оставаться в силе до завершения судебного разбирательства в Страсбурге и что оплата будет произведена позднее в пределах суммы, присужденной Судом в качестве компенсации расходов и издержек. Первый заявитель также представил семь актов о затратах времени и отчетов о расходах, составленных г-ном Бущенко в отношении работы, проделанной в 2004-2010 годы.

299. Правительство подчеркнуло, что первому заявителю была оказана правовая помощь Советом Европы, не оспаривая детали представленных им расчетов.

300. Суд должен установить, во-первых, были ли затраты и издержки, указанные первым заявителем, фактически понесены, и, во-вторых, были ли они необходимыми (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 September 1995, § 220, Series A no. 324).

301. Как видно из материалов дела, г-н Бущенко представлял первого заявителя на протяжении всего разбирательства в Суде, и поэтому имеет право требовать выплаты своего гонорара по контракту. Соответственно, Суд считает, что эти расходы были «фактически понесены» (см. *Tebieti Mühafize Cemiyeti and Israfilov v. Azerbaijan*, no 37083/03, § 106, ECHR 2009-...).

302. Принимая во внимание сложность данного дела, а также качество и объем проведенной правовой работы, Суд не считает, что требование является чрезмерным и присуждает удовлетворить требования первого заявителя в полном объеме, а именно выплатить ему 13 594 евро (что эквивалентно запрошенной сумме 14 444 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве оплаты правовой помощи), с добавлением любых налогов, которые могут быть начислены на эту сумму.

2. Юридическое представительство в национальных судах

303. Первый заявитель также потребовал выплатить ему 15 000 евро в качестве компенсации расходов, понесенных им на представительство в национальных судах, не представив никаких документов.

304. Правительство оспорило эти требования как чрезмерные и не подтвержденные документально.

305. В отсутствие каких-либо доказательств того, что заявленные расходы были фактически понесены и были необходимы, Суд отклоняет это требование о компенсации.

3. Другие расходы

306. Первый заявитель потребовал выплатить ему 374 долларов США в качестве компенсации транспортных расходов его отца, который был его представителем в ходе национального разбирательства, и 227 долларов США в качестве компенсации транспортных расходов других членов его семьи.

307. Правительство оспорило эти требования.

308. Принимая во внимание имеющуюся у него информацию и документы, а также изложенные в его судебной практике критерии,

касающиеся возмещения судебных расходов и издержек (см. пункт 300 выше), Суд отклоняет эти требования.

С. Пеня

309. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка с добавлением трех процентных пунктов.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы первого заявителя по статье 3, статье 5 §§ 1, 2, 3 и 5, статье 5 § 4 (в отношении отсутствия адекватной процедуры для судебного пересмотра законности его предварительного заключения в ходе судебного разбирательства), статье 6 § 1 (в отношении права не свидетельствовать против самого себя и мотивации решений национальных судов, которыми был осужден первый заявитель) и статье 6 § 3(с) Конвенции приемлемыми, а остальные жалобы неприемлемыми;
2. *Постановляет*, что первый заявитель подвергся жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции ввиду отсутствия эффективного расследования жалоб первого заявителя на пытки со стороны милиции;
4. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 1 Конвенции в отношении содержания первого заявителя под стражей с 20 по 26 мая 2004 года;
5. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 1 Конвенции в отношении содержания первого заявителя под стражей с 14 октября 2004 года по 5 мая 2005 года и с 21 марта по 31 августа 2007 года;
6. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 1 Конвенции в отношении содержания первого заявителя под стражей с 18 по 21 декабря 2006 года;

7. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 1 Конвенции в отношении содержания первого заявителя под стражей с 23 февраля по 21 марта 2007 года;
8. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 2 Конвенции в отношении первого заявителя;
9. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 3 Конвенции в отношении права первого заявителя «быть незамедлительно доставленным к судье»;
10. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 3 Конвенции в отношении права первого заявителя на «судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда»;
11. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 4 Конвенции в отношении первого заявителя в связи с отсутствием адекватной процедуры для судебного пересмотра законности его предварительного заключения в ходе судебного разбирательства;
12. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 5 Конвенции в отношении первого заявителя;
13. *Постановляет*, что была нарушена статья 6 § 1 Конвенции в отношении права первого заявителя не свидетельствовать против самого себя;
14. *Постановляет*, что была нарушена статья 6 § 1 Конвенции в отношении обоснования решений национальных судов, которыми был осужден первый заявитель;
15. *Постановляет*, что была нарушена статья 6 § 3(с) Конвенции;
16. *Постановляет*:
 - (а) государство-ответчик должно выплатить первому заявителю в течение трех месяцев с даты, когда это решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, в переводе на украинские гривны по курсу, действующему на день выплаты:
 - (i) 35 000 (тридцать пять тысяч) евро с добавлением любых налогов, которые могут быть начислены на эту сумму, в качестве компенсации нематериального вреда;

- (ii) 13 594 (тринадцать тысяч пятьсот девяносто четыре) евро с добавлением любых налогов, которые могут быть начислены на эту сумму, в качестве компенсации расходов и издержек;
- (b) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в этот период с добавлением трех процентных пунктов;

17. *Отклоняет* оставшуюся часть требований первого заявителя относительно компенсации.

Составлено на английском языке и объявлено в письменном виде 21 апреля 2011 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудиа Вестердийк
Секретарь

Элизабет Фура
Председатель